

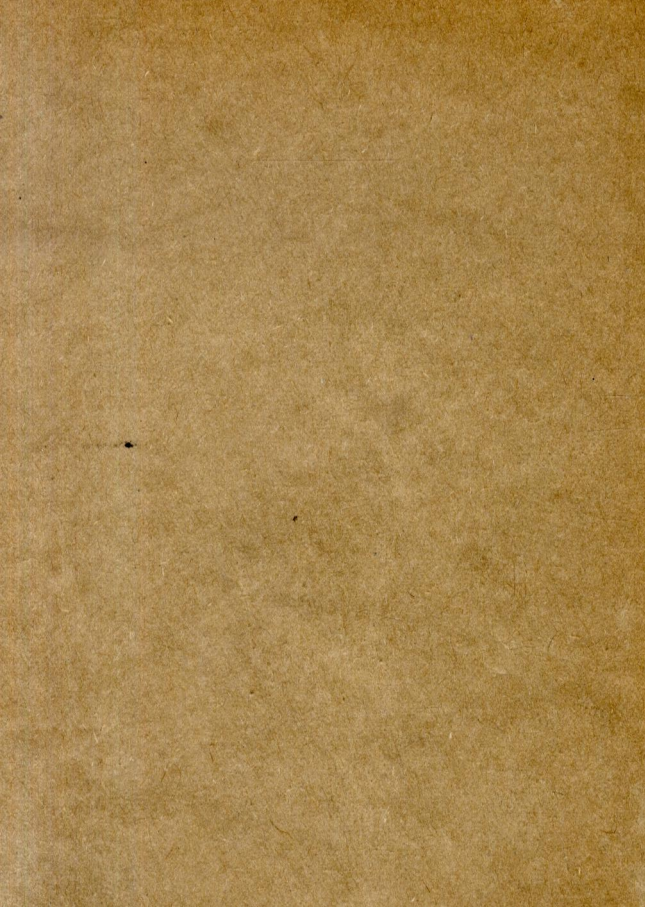
88735

500

Иван Франко

УКРАДЕННОЕ
СЧАСТЬЕ

0ф
ИВАН ФРАНКО

Ф-03
УКРАДЕННОЕ
СЧАСТЬЕ

ДРАМА ИЗ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ
В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Львівська Філія
Бібліотеки АН-УРСР

Перевод с украинского
Георгия Шипова

Государственное издательство
„ИСКУССТВО“
Москва 1940 Ленинград

Разр. ГУРК № 4/40/г
от. 21/І 1940 г.

Львівська
Бібліотека

~~500~~ 42

Львівська бібліотека
АН УРСР
№ 31888

Ф/IV
у-450
1946

Действующие лица

Николай Задорожный — человек лет 45, небольшого роста, сутулый, медлительный.

Анна — его жена, молодуха лет 25.

Михаил Гурман — жандарм, высокий, здоровый мужчина, лет 30.

Алексей Бабич — крестьянин, лет 40, сосед Николая.

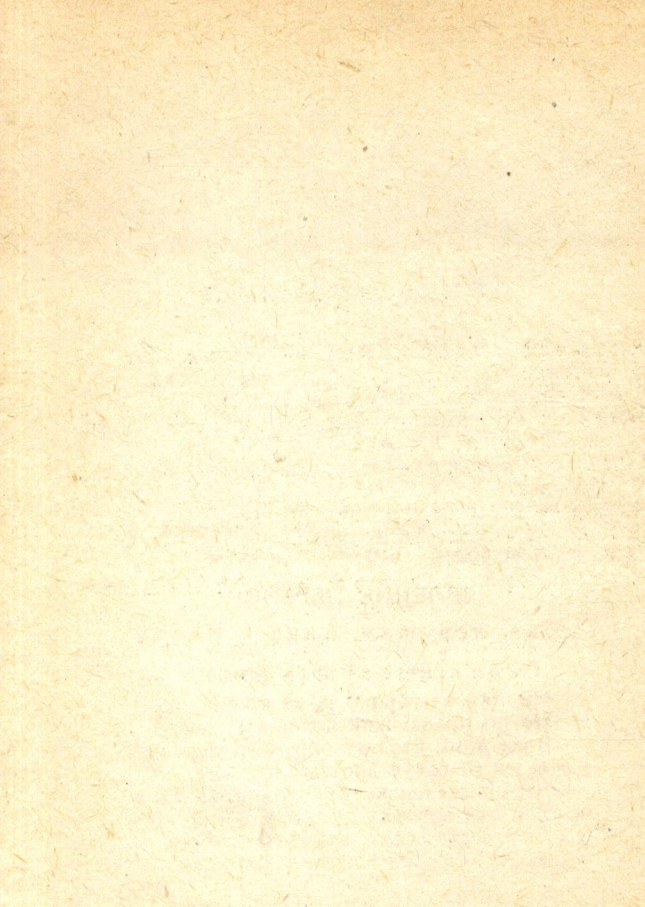
Настя — его жена, лет 35.

Староста — крестьянин, лет 50.

Шлема — шинкарь.

Крестьяне, крестьянки, парни, девушки, музыканты и другие.

Действие происходит около 1870 года в подгорском селе Незваныхах.

Действие первое

Внутренность крестьянской хаты. Ночь. Со двора доносится шум ветра, в окна бьет снег. В печи горит огонь, перед ним горшки. Анна и Настя хлопочут около печи. На скамье, на табуретке, на лежанке и на печи девушки и парни, одни прядут, другие мотают пряжу на веретенах; посреди хаты на табуретке парень вяжет рукавицы, другой на ворота скручивает веревку.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Парни, девушки, Анна и Настя.

Парни и девушки (*поют*):

Ой, там за горою, та за кременною
Не по правді жив чоловік з жоною.
Вона йому стелить білу постеленьку,
А він їй готує дротяну нагайку.
Біла постеленька порохом припала,
Дротяна нагайка біле тіло рвала.
Біла постеленька порохом присіла,
Дротяна нагайка кров'ю обкипіла.

Н а с т я (машет полотенцем, обрывая пение). А, чтоб вас! Что это вы вздумали такую жалостную, словно по покойнику го-лосят!

Первый парень (смеется). Вот так! Небось, мурашки по коже забегали...

Н а с т я. Ну тебя! Будь ты неладен! Не думай, что я жена твоего отца, покойница-то никогда из сеней не выходила.

Первый парень. То-то, мой покойный отец все говорил: если муж жену не бьет, у ней утроба гниет...

Второй парень. О, твой отец хороший цырюльник был. Он и мужикам умел кровь пускать.

Первый парень. И задаром! Это что-нибудь да стоит!

Н а с т я. Вы хоть бы тут, в этой хате, постыдились такое говорить и петь. Ну тебя! Это так, не в хате будь сказано, как чорта при младенце вспомнить. Тут ангелы божьи летают, одна хата во всем селе, где покой святой, мир, лад и любовь, а вы такое завели, что противно и вымолвить.

Первая девушка. Ты не бойся, тетенька, мы своей песней святых ангелов из хаты не спугнем.

Н а с т я. А ты почем знаешь? Может, как

раз и спугнете. Знаешь, как старики говорят: не кличь волка из лесу. Не то бывает такое: в недобрый час скажешь кому злое слово, а оно тут же и исполнится. Моя маменька-покойница рассказывали, что один случай такой...

Первый парень. Типун вам на язык! Идите к печке, поглядите, скоро ли вареники будут готовы, а то Николай вот-вот из города приедет и разгонит нас по домам.

Настя. Гляди, какой прыткий! Не бойся, вареники поспеют. Смотри только, чтоб ты свою рукавицу довязал. *(Идет к печке.)*

Первая девушка. Ну, сестрички, кончим эту песню. Она очень хорошая, но такая жалостная, что даже плакать хочется.

Анна *(от печки)*. Погодите, когда замуж повыйдете да на своих плечах это добро изведаете, тогда не так заплачете.

Девушки. Вот тебе и на! А вы это откуда знаете? Разве на себе извели?

Анна. Я не о себе говорю. А то, что я изведала, только мне да богу известно.

Девушки *(с минуту молчат, потом начинают петь)*.

Ой, мужу ж мій, мужу, не бий мене дуже,
В мене тіло біло, болить мене дуже.
Пусти ж мене, мужу, в вишневий садочок,

Най я собі урву рожевий квіточок,
Урву рожу-квітку та й пущу на воду:
Пливи, роже-квітко, аж до мого роду.
Пливи, пливи, квітко, пливи по Дунаю,
Як побачиш мою неньку, припливи до краю.

Н а с т я (тем временем вынула вареники, слила воду, полила их маслом, посолила и поставила на стол). Будет вам петь! Бросайте работу! Вареники на столе.

Парни и девушки бросают работу, с веселым шумом садятся за стол и принимаются за еду. Настя и Анна около печки. Настя положила себе вареников и спиной к столу садится на лежанку.

Ну, кума, помогай и ты!

А н н а (глядит в окно). Господи, какая вьюга! Как бы наши с дороги не сбились!

Н а с т я. Не бойся, им не впервой.

А н н а. Не знаю, но мне так что-то страшно, так тоскливо, словно надо мной какое-то большое несчастье нависло.

Н а с т я. Я-то, бедняжка, вижу. Целый день ты сама не своя ходишь. Я уж думаю, чего бы тебе сокрушаться? Живешь, как у Христа за пазухой.

А н н а. Я?

Н а с т я. Муж у тебя добрый, смирный, работающий, чуть ли не молится на тебя.

А н н а (вздыхает). Да что из этого!

Н а с т я (тише). Ты опять о том, что детей не имеешь? Не бойся, бог милостив, будут еще.

А н н а (махнула рукой). Эх, я не об этом!

Н а с т я. Так о чем же? Что тебе еще нужно? Что братья тебе с приданым обидели? Тьфу! Плюнь ты на их приданое! Им эта обида боком выйдет.

А н н а (вскидывается, словно ужаленная). Ой, кума! Да разве я о приданом? И зачем вы напоминаете мне моих братьев? Вы же знаете, что они самые лютые враги мои.

Н а с т я. Знаю, бедняжка, все знаю. Наслушалась я про твое несчастное девичество!

А н н а (быстро). Что? Про мое девичество? Что вы о нем знаете?

Н а с т я (добродушно). Все знаю, милая моя, все знаю. Как тебя братья избивали, в работницах держали, из дома не пускали и под конец за батрака замуж выдали, да еще с приданым обидели. Ой, да это ли только!

А н н а. Как? И больше знаете?

Н а с т я (смеется). Ты, кума, меня не бойся! Говорю тебе, что знаю все, хоть это от нас и не близко, даже в другом уезде, а братьев твоих я и в глаза не видала.

А н н а. Но откуда же вы все это знаете?

Н а с т я (смеется). Сорока на хвосте при-

несла, дорогая. Нашлись такие люди, что рассказали. Тебе даже никогда бы не угадать, кто.

А н н а. Верно, какую-нибудь подругу на ярмарке видели?

Н а с т я. Ой, кумушка! Так ли часто я на этих ярмарках бываю! Нет, в мою хату сама весточка пришла, да и никогда-нибудь, а вчера.

А н н а. Ну, я уж никак не угадаю, кто бы это мог быть.

П а р н и и д е в у ш к и (встают из-за стола). Спасибо вам, тетенька Анна, и вам, тетенька Настя, за ужин!

П е р в ы й п а р е н ь. Слава тебе господи, наелся доотвала.

Н а с т я (бьет его полотенцем). Иди, иди ты, непутевый.

Д е в у ш к и. Ну, нам пора домой, а то так заметет, что и до земли не докопаемся.

В т о р о й п а р е н ь. Не бойтесь, мои касаточки! Тут парней хватит, каждый по две из вас на плечи возьмет и домой отнесет.

П е р в а я д е в у ш к а. Как бы не так! То же, силачи какие! Еще надорветесь! (Собирает кудель и пряжу.) Спокойной ночи!

Девушки целуются с Анной и уходят; она светит им лучиной в сени.

А н н а. Спокойной ночи, девушки, спокойной ночи! Приходите завтра, пожалуйста! (Запирает за ними двери.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

А н н а и Н а с т я.

Н а с т я. И мне пора бы идти.

А н н а (убирает со стола). Ой, да посидите еще немножко. Ведь у вас хата не одна осталась, а муж ваш, возвращаясь, все равно мимо нас проедет, — услышите, и мне будет веселей дожидаться.

Н а с т я (помогает убирать). Так-то оно так. А все-таки хата в хозяйских руках нуждается. Ладно, будь по-твоему, останусь для тебя... (Останавливается среди хаты перед Анной с миской в руках.) Что же, не любопытно тебе, от кого я узнала про твое девичество?

А н н а. Мне-то что! Я не горазда загадки отгадывать.

Н а с т я (лукаво). А твое сердце ничего тебе не говорит?

А н н а. Сердце? А вам что? Что оно должно мне говорить?

Н а с т я. Ага, в лице изменилась! Бледнеешь, и опять краснеешь! Ну, ну, не пугайся! Я знаю все от него самого.

А н н а. Опомнитесь! Что вы говорите? От него самого, от кого?

Н а с т я. От Михайла, а то от кого бы?

А н н а. От какого Михайла?

Н а с т я. Эх, кума, ты не притворяйся, что ничего не понимаешь. Ведь мы с тобой не дети! Михайла Гурмана знаешь, а?

А н н а *(отступая шаг назад, крестится)*. Свят, свят, свят! Что это вы, кума, говорите? Михайла Гурмана? Да, я его знала, но его давно на свете нет. Он погиб в Боснии.

Н а с т я. Кто это тебе сказал?

А н н а. Я это знаю, братья говорили.

Н а с т я. То-то и есть, что братья!

А н н а. Его мать сама письмо мне показывала, плакала.

Н а с т я. Должно быть, письмо было фальшивое, потому что Михайло живехонек.

А н н а. Кума, побойтесь бога, не говорите этого! Может, вам приснилось? Может быть, душа его вам явилась?

Н а с т я. Нет, кума Анна, я скажу тебе: он живехонек, в жандармах служит вот уже три года. Был где-то в другом краю, а теперь его перевели. Вчера к нам заходил, о тебе расспрашивал.

А н н а. Господи, что это такое? Что со мной творится? Кума, полубушка! Скажите,

что это вам привиделось, приснилось! Это... это такое, что с ума сойти можно! Ведь я этому Михайлу клялась, что скорей в могилу пойду, чем с другим под венец встану. А теперь?!. Он по мою душу пришел. Да нет, нет, вы шутите, вы только так говорите!

Н а с т я. Перекрестись, кума! Чего ты так испугалась? Тут ясное дело, братья тебя обманули. Значит, на тебе нет никакой вины. Он и сам это говорил. Он вовсе не винит тебя. Ох, если бы ты знала, как он хорошо и сердечно говорил о тебе!

А н н а. Нет, нет, нет! Не говорите мне этого! Не хочу слышать о нем, не хочу видеть его! (*Ходит по хате, ломая руки.*) Ой, господи! Ой, боже мой, да неужели это правда? Неужели и тут меня обманули, одурачили, словно кота в мешке продали?!

Н а с т я. Ты успокойся, кума! Что уж говорить о том, что пропало! Пусть им за то бог заплатит.

А н н а (*все еще не понимая, ходит по хате*). И за что? Зачем? А, знаю, знаю! Они боялись, чтоб Михайла не отобрал у них моего наследства. О да, да! А этот покорный батрак еще обрадовался, что хоть малость получил. Господи, спаси меня! Сохрани мне разум!

Н а с т я (*берет ее за плечи*). Опомнись, ку-

ма! Что ты вздор мелешь! Не грех ли тебе? Ты теперь замужняя женщина, обо всем этом забыть надо.

А н н а (смотрит на нее. После паузы). Правда ваша! Правда ваша! Надо забыть, хоть бы сердце разорвалось, а надо забыть. Ой, господи! И как оно до сих пор не разорвалось? Сколько я перестрадала за эти годы! Все думала, вот-вот старые раны перестанут болеть. А тут на тебе! Получай! Тот, кто доселе был для меня умершим, является снова. Кумушка, матушка моя! Научи меня, что мне делать? Дай мне какого-нибудь зелья, чтоб тут, вот тут перестало болеть!

Н а с т я. Где уж мне, бедняжка, до зелья? Не посоветую я тебе ничего! Разве только одно — молись богу, пусть он отвратит от тебя это горе.

А н н а. Молилась, кума, молилась! Билась лбом о каменные ступени церкви, каменные плиты слезами омывала — ничего не помогает.

Н а с т я (прислушивается). Что это? Слышишь? Будто колокольчик звенит. Верно, наши едут.

А н н а (у окна). Звенит! Едва слышно за воем ветра, а звенит. Слава тебе господи, что едут! Идем встречать!

Обе поспешно одеваются и уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Через минуту входят Анна, Настя, Бабич; он весь в снегу, с кнутом в руках.

Б а б и ч. Добрый вечер!

А н н а. Здравствуйте! Так, говорите, мой с вами не поехал?

Б а б и ч. Нет, кума. Я его на соляной копе оставил. Он еще складывал свои дрова в поле-ницу и о чем-то разговаривал со старостой, а я не дождался его и поехал за другими.

А н н а. Побойтесь бога! Как же вы могли оставить его одного в такую страшную вьюгу?

Б а б и ч. Э, не беспокойтесь, он, верно, поехал на Купинью с передельчанами, а наши все на Радловичи трактом ехали. Он скоро приедет, не бойтесь. Лошади у него хорошие.

А н н а. Ой, мне что-то боязно. Говорят, в лесу волки появились. Еще, не дай бог, несчастье случится!

Б а б и ч. Успокойтесь, кума! Бог милостив, отвратит от нас беду. Николай не ребенок. Он и за лошадей побеспокоится. Ну, старуха, поедem домой, там, небось, лошади перемерзли.

Н а с т я. Спокойной ночи тебе, кума. Молись, голубушка, богу, все будет хорошо!

Ба б и ч. Спокойной ночи!
А н н а. Поезжайте с богом!

Ба б и ч и Н а с т я уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

А н н а (одна, одетая в шубу и платок, сидит у окна и прислушивается). Не слышно! Только ветер свистит и завывает. (Заламывает руки.) А он живой, живой, живой! Обманули меня, одурачили, задержали, украли все, все! Нет, не хочу я об этом думать. У меня есть законный муж. Я ему поклялась и останусь верна. (Прислушивается.) Ах! Вот он едет! Наконец-то, слава тебе, господи! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Н и к о л а й и А н н а.

За сценой слышно бряцанье сбруи. Через минуту входит Н и к о л а й, весь занесенный снегом, в сермяге, надетой поверх тулупа, в бараньей шапке, в рукавицах. Он останавливается среди хаты, вынимает кнут из-за пояса и начинает отряхивать снег, стуча сапогами о землю, и, отряхнувшись, начинает раздеваться.

Н и к о л а й. Вот тебе и заработок. Вот и живи, как хочешь! Ох, господи, и как я еще

не погиб в дороге, и сам не знаю! Ох, уж и намаялся я! Да и промерз до самых костей! (Открывает окно и кричит.) Анна, лошадям надо воды дать! Думал напоить на Купиньи, да нельзя было.

Анна (за сценой). Хорошо, хорошо! Я уж и воду приготовила.

Николай (закрывает окно, снимает сермягу, потом тулуп и вешает их на вешалке). Ну, заработок, нечего сказать! За шесть гривен рискуешь головой поплатиться. Целый день работай, таскай, вози, скотину калечь, мерзни и мокни, как последняя собака, — и за все это шесть гривен! А как платить, так им, кровопийцам, и этого жалко. И это бы сожрали. Когда отдают человеку эти кровавые гроши, так и видишь, что у них после этого колики делаются. А, чтоб вас разорвало, ненасытные, чтоб у вас глаза лопнули, изверги поганые! (Садится у конца стола и начинает снимать сапоги.) Вот еще горюшко мое! (Кричит.) Жена, эй, жена! Анна, где ты там?

Анна. Ты меня звал?

Николай. Да, звал. Ну, что, лошади пили?

Анна. Еще как. Так, бедняки, перемерзли, как осиновый лист дрожат. Бедная скотину-

2 Украденное счастье

НСШ № 83.

17

Инвент. №

500-ф

шка! Я им немножко квасу в воду подлила, выпили по две ведерки!

Николай. А корм у них там есть?

Анна. Как же, на тебя понадеялась, пока ты дашь. У них там по гарнцу овса, да соломы я нарезала и сена в кормушку положила. Почему же ты так поздно приехал?

Николай. Эх, и не спрашивай. Вот поди-ка, помоги мне сапоги стянуть. Смотри, замерзли, как кости, боюсь, ноги не отморозить бы.

Анна. Ну тебя! Что ты говоришь! Только этого нам и нехватает. *(Берется за сапог, тянет и, взглянув на лицо Николая, выпускает ногу, отступает назад и крестится.)* Свят, свят, свят! Николай, что с тобой? Ты весь в крови!

Николай. Я?

Анна. Побойся бога! Что же это такое? Драка, что ли, была? Да, может, ты изувечился где?

Николай. Нет, нет, не бойся!

Анна *(бросается к нему и расстегивает безрукавку)*. Да погоди! Господи, вся рубаша в крови! Что с тобой случилось, Николай?

Николай. Это наш уважаемый, почтенный староста.

Анна. Что? Бил тебя?

Н и к о л а й. Уж верно, что не гладил... (Стучит кулаком по столу.) Но я ему не прощу! Я с него взыщу свою обиду.

А н н а. Смотри-ка! Что ж между вами произошло? За что?

Н и к о л а й. Спроси ты меня, а я тебя. Ни за что! За здорово живешь, прицепился ко мне, чтоб к нему прицепился тот, кто в болоте сидит!

А н н а (все еще оглядывает его). Не рутайся, Николай, не гневи бога! Ой, господи, да сколько же ты крови потерял! Вот еще горюшко мое! Дай, я обмою. Здесь где-то теплая вода оставалась. (Идет к печке.)

Н и к о л а й (кричит). Нет, не надо, не мой! Я его под суд отдам! Я завтра вот так, как есть, к самому господину судье пойду! Пусть господа посмотрят! Не мой!

А н н а (наливает в миску воду и подходит). Иди, иди, горемычная ты головушка! Не делай из себя посмешища людского! Со старостой ничего не сделаешь, только себя насмех подымеешь.

Н и к о л а й. Как это ничего не сделаю? Что же это царский закон позволяет вот так над людьми издеваться? Если он староста и подрядчик по подвозу дров к соляной копи, то ему вольно и душу из человека вышибить?

А н н а. Ты, верно, опять дрова продавал?

Н и к о л а й. Ну, известное дело, должен был продать. Побойся бога, человек намучился в лесу, намерзся, как собака, гроша за душой нет, надо же все-таки чем-нибудь душу подкрепить.

А н н а. Эх, Никола, Никола! Сколько раз я говорила тебе, лучше потерпи, а не делай этого! А теперь еще хочешь в суд итти! Ведь староста тебя за такое скорей арестует, чем ты его!

Н и к о л а й (*смотрит на нее со страхом*). Ой, жена! Да, ты верно говоришь! А мне это и в голову не пришло. На, мой.

А н н а (*обмывает его*). Я бы не знаю, на что поспорила, что ты не только дрова продавал, а сам еще старосте что-нибудь обидное сказал.

Н и к о л а й. Я? Да накажи меня господь, что нет! Пристал, что сажень неполная. Я, как всегда, последний складывал, а он ко мне, там кто-то нажаловался ему, что я пару этих дрянных полен продал.

А н н а. А может, он сам видел?

Н и к о л а й. Чорт его знает, может, и видел. Одним словом, он ко мне, — я тебе, говорит, не заплачу, пока сажень не будет полная. Я говорю: какая была в лесу, такая и

здесь. А он мне и говорит: врешь, ты пять полен продал. Я ему говорю: что же что продал, не я один продал, и другие продают. А он пристал ко мне: кто, да кто продает? Что я мог ему сказать? По правде, раз человек ничего не видел, так на первого попавшегося говорить стыдно. Вот я, возьми, и скажи ему: и вы сами, покамест не были подрядчиком, тоже-де продавали. Не успел я это сказать, он как набросится, как начнет дубасить меня палкой! И по голове и куда попало. Так я уж и не помню, когда кто и как за меня заступился и в сани посадил.

А н н а (качая головой). Я так и думала, что ты, должно быть, что-нибудь ляпнул. Староста не такой человек, чтоб к кому-нибудь зря придраться.

Н и к о л а й (горько). Ну, известно, у тебя каждый честный, каждый умный, только не твой муж.

А н н а. Я у тебя чести не отнимаю, но продавать дрова не нужно было.

Н и к о л а й. А мерзнуть и голодать нужно было?

А н н а. Надо было взять с собой из дома несколько копеек на водку, если уж не можешь без нее обойтись. Ведь мы уж не так бедны.

Н и к о л а й. Вот как! На заработок ехать, да еще деньги из дому брать!

А н н а. Ну, коли так, вот и получил заработок, какой хотел! *(Накрывает стол и подает ужин.)* Где же ты так долго задержался?

Н и к о л а й *(сердито)*. А тебе что до этого? Не твое дело! Коли я тебе такой не мил, так и не спрашивай меня ни о чем!

А н н а *(ставит миски на стол)*. Ну, коли так будешь со мной говорить, то, верно, милей не будешь.

Молчание. Николай барабанит пальцами по окну. Анна ставит ужин на стол. Николай поворачивается и начинает молча есть. В это время раздается стук в окно. Анна вздрагивает. Николай роняет ложку из рук.

А н н а. Свят, свят, свят! Что это такое?

Н и к о л а й. Кто-то стучит в окно! В такой поздний час, в такую метель! Ой, может, несчастье какое!

Г о л о с з а о к н о м. Эй, люди, отворите, не дайте человеку погибнуть!

А н н а. Верно, кто-то с дороги сбился. Побегу открыть.

Н и к о л а й. Анна, погоди! Может, человек-то дурной.

А н н а. Смотри-ка, что ж, по-твоему, дать ему погибнуть? Что нам злой человек? Взять-

то у нас нечего, и никому мы ничего не должны, так чего же нам бояться? (Выходит.)

Слышен стук засова.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ник о л а й, спустя минуту входит ж а н д а р м с карабином, весь засыпанный снегом, за ним А н н а.

Ж а н д а р м. Добрый вечер!

Н и к о л а й. Доброго здоровья!

Ж а н д а р м. Простите, что я в такую позднюю пору незванно к вам напрашиваюсь. Такая ужасная буря, такая метель, что не дай бог! Я сбился с дороги, думал, либо замерзну где в сугробе, либо волкам на зубы попаду.

А н н а (крестится). Господи!

Ж а н д а р м (оглядывается, впивается в нее глазами, потом пересиливает себя). Да, да! Недалеко уж было до этого. Там, в лесу, слышно, как они воют. Каждую минуту, бестии, могли со мной повстречаться.

Н и к о л а й. Раздевайтесь, господин, садитесь! Конечно, теперь к ночи дальше не пойдете?

Ж а н д а р м. Да куда уж! Ног под собой не чую, так промерз и измучился! Ох, слава тебе господи, что живым из этого снежного

ада вырвался! (Отряхивается от снега и начинает осматриваться.)

Николай приглядывается к нему.

Н и к о л а й. Откуда, господин жандарм?

Ж а н д а р м. Пешком из города.

Н и к о л а й. Да ну, пешком? А сами откуда родом? Простите, но мне кажется, я вас где-то раньше видал.

Ж а н д а р м (смеется). Ну! Еще бы! Николай, старый друг! Разве ты не узнал меня? (Хлопает его по плечу.)

Н и к о л а й. Михайло Гурман! Так это ты? А мы думали... Анна, гляди-ка, а ты разве не узнала Михаила?

А н н а (совсем забывшись, стоит у края стола и, не глядя на них, шепчет молитву). Спаси, сохрани и помилуй, господи...

Ж а н д а р м (смеется). Анна! Хозяйка! Что это вас на молитву потянуло? Что ж не здороваетесь со старым знакомым?

А н н а (подает ему руку). Как поживаете, господин жандарм?

Ж а н д а р м (с минуту пристально смотрит на нее, потом, отпустив ее руку, сцепив зубы, отворачивается и обращается только к Николаю). Ну, нынешней ночи не забуду до смерти. Знаете, когда я услышал, сквозь свист

ветра, этот волчий вой, да так близко, — ну, думаю, пришел конец мой! У меня вдруг словно мороз по спине пробежал. И в эту самую минуту я увидел в стороне огонь. Сперва подумал — это волк глазами сверкает, но потом вижу, что стоит на одном месте... И уж больше я ничего не думал, не размышлял, только пустился бежать по снегу напрямик, через какие-то канавы, сугробы, изгороди, и бог его знает, откуда у меня столько силы взялось! Раз десять упал и благодаря бога, что хоть кости целы!

Ник о л а й. Ну, что же, слава богу! Но скажи мне, пожалуйста, что это с тобой? Откуда ты взялся? Поговаривали, будто ты...

Ж а н д а р м (смеется). Ха-ха-ха! Что буд-то я?

Ник о л а й. Ну, да что ты погиб, умер...

Жандарм смеется еще громче и подходит к нему.
Николай отступает.

Ж а н д а р м. Ха-ха-ха! И это правда! Ведь я покойник! Не веришь, Николай? Я мертвый! Я из гроба пришел.

Ник о л а й (испуганно крестится). Свят, свят, свят! (Слабо улыбается.) Ну, что ты глупости говоришь, Михайло? Нельзя такими вещами шутить.

Жандарм (грозно). Ты думаешь, что я шучу? А ну-ка, дотронься до меня! (Протягивает руку.)

Николай отскакивает.

Видишь! Это, впрочем, пустое. Знаешь, Николай, зачем я к тебе пришел?

Николай. Ты? Ко мне?

Жандарм. Ага! По твою душу. (Смеется.) Ха-ха-ха! Что, напугал? Не бойся, бедняга! Твоя душа не такая уж ценная вещь, чтоб за ней мертвецы с того света приходили. Не бойся, гляди, я живой человек, такой же, как ты. (Хлопает его по плечу.) А как я здесь очутился, это я тебе сейчас расскажу. Вернувшись из солдат, я продал землю и хату, поступил в жандармы и вот уж три года служу. Сначала на границе был, контрабандистов ловил, а две недели тому назад перевели меня в этот уезд.

Николай. Разве нельзя было это сразу сказать? А то на тебе! Начал пугать меня мертвецами. Эх, Михайло, Михайло! Ты, как вижу, все такой же озорник, как был когда-то. (Качает головой.) Садись, поужинай вместе с нами.

Жандарм. Вот это действительно умное слово. (Берет ложку и садится к столу.) Гляди,

а вы почему так поздно ужинаете? Уж, верно, полночь!

Н и к о л а й. Я так же, как и ты, по лесу блуждал, только недавно приехал.

Ж а н д а р м (ест). Откуда?

Н и к о л а й. Из города. Дрова возил на соляные копи, да вот и запоздал. Еле до дому добрался. (Ест.) Еще, на беду, меня понесло на Купинью. Думал, что ближе будет напрямки лесом, а там тем временем замело так, что я чуть было скотину не загубил.

Ж а н д а р м (положил ложку и удивленно смотрит на него). Что? Ты этой ночью на Купинью ехал?

Н и к о л а й. Да, ехал.

Ж а н д а р м. Мимо купинской корчмы?

Н и к о л а й. Да, а то куда же! Еще остановился, хотел лошадей напоить, да какой-то чорт ведро оборвал. Постучался было к шинкарям, но почему-то никто не вышел, я и подумал: эх, до дому уж недалеко, и поехал, не достучавшись.

Ж а н д а р м. А давно это было?

Н и к о л а й. Часа три тому назад. Хоть от нас до купинской корчмы едва полмили, но я как поехал да стал с дороги сбиваться, то казалось, что по крайней мере полгода еду. И еду один-одинешенек в лесу.

Жандарм. Так ты один ехал? А не помнишь, ехал ли еще кто с тобой?

Николай. Где там! Все наши куда раньше меня уехали, но поехали на Радловичи, трактом.

Жандарм. Ну, а в корчме был свет?

Николай. Было светло, но окна были занавешены и двери заперты, верно, шинкари уже спали, потому что на мой стук никто не отозвался.

Жандарм (ворчит). Ну, верно!

Едят. Пауза. Анна сидит на лежанке, заставляет себя есть, но не может.

Спасибо вам, хозяин, за ужин! (Кладет ложку и встает.)

Николай. Не стоит. На здоровье! (Также встает.)

Оба садятся на скамью. Анна молча убирает со стола.

Жандарм (присматривается сбоку к Николаю). Гляди-ка, что это у тебя, Николай, лицо такое исцарапанное? Я что-то не помню, чтобы ты был охотник до драки.

Николай (в замешательстве). Я? Ха-ха-ха! Да куда мне драться? Я человек смирный. Это несчастные дрова меня сегодня так уго-

стили. Только я начал брать из поленицы дрова, а верхний ряд как запремит. Счастье еще, что меня на месте не убило.

Жандарм. Эва, это скверный случай.

Николай. Ох, сохрани бог от такого заработка.

Жандарм. А много за день зарабатываешь?

Николай. Эх, заработка-то этого, как кот наплакал. Шесть гривен за день! А сколько человеку приходится за них бегать, мерзнуть, мучить себя и скотину, огрызаться, так, кажется, отказался бы от такого заработка!

Жандарм (опять присматривается к нему). Но, видно, тебя, брат, изрядно эти дрова погладили. Вся правая половина лица, словно граблями, поцарапана.

Николай. Говорю же тебе, когда на меня с правой стороны дрова заpremели, так я подумал, что мне голову вдребезги разбило.

Жандарм (встает, ходит по хате и сидится слева от Николая и смотрит на него). Ой, да у тебя и с левой стороны еще больше изуродовано.

Николай (в замешательстве). Я этой стороной на землю упал и на валежник угодил. Счастье еще, что я глаз сучком не выколол.

Жандарм (заглядывает ему в глаза). Э, и спереди шрам на лбу, как будто кто-то поцарапал, и синяки под глазами! Эй, Николай, признавайся, это не от дров!

Николай (в еще большем замешательстве). Чего ты опять! В чем я должен признаваться. Ей-богу, я ни с кем не дрался! Да зачем бы я тебя обманывал?

Жандарм (смеется и хлопает его по плечу). Ну, ну, Николай, не бойся! Я сегодня твой гость, и тебе не нужно мне ни в чем признаваться. Но одно скажу, голубчик: не плутом ты уродился. Сразу видно, коли хочешь что сбрыхнуть, так тебе никак не удастся.

Николай (испуганно). Да накажи меня бог!

Анна. Николай, брось ты божиться! Лучше подумай, где мы господину жандарму постелим. Время позднее, а вы оба устали, пора спать.

Николай. Ай, ай, ай, верно, голубушка! А я, дурень, заговорился и забыл об этом! Я сейчас, сейчас! (Мечется без толку туда и сюда по хате. Надевает шапку, тулуп.)

Анна. Гляди, а ты куда?

Николай. Я сейчас! Знаешь, я так думаю: принесу охапку соломы, постелим Михайле вот здесь на полу. Ты только дерюжек

каких-нибудь приготовить и подушку, а укроется тулупом.

Жандарм. Спасибо! У меня есть свой плащ.

Анна. Да я бы сама за соломой сходила.

Николай. Ну! Куда тебе! Я сам сейчас принесу. *(Берет шапку и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Т е ж е, без Николая.

Анна постилает постель. Жандарм подходит к ней, берет ее за плечи.

Жандарм. Анна!

Анна *(еле слышно)*. Что тебе?

Жандарм. Что же ты даже посмотреть на меня не хочешь?

Анна поворачивается к нему, но тут же опускает глаза и молчит.

(Долго смотрит на нее.) Изверги! Мерзавцы! Сдержали-таки слово, закопали тебя живьем в могилу! Бог им этого не простит!

Анна. О ком это ты?

Жандарм. О ком же, как не о твоих миленьких братцах? Знаешь, когда меня взяли в солдаты, так один из них в корчме ясно сказал мне: «Ты, Михаил, иди в добрый час, но

про Анну и не думай. Не будет она твоей, хоть бы нам пришлось ее живой в могилу закопать». Я тогда рассмеялся ему в лицо, но вижу, что они все-таки поставили на своем.

А н н а (робко). Так ты... не гневаешься на меня? Не проклинаешь меня?

Ж а н д а р м. Тебя, несчастная сирота? Разве я не знаю, что ты ни в чем неповинна, что у тебя не было собственной воли, что тебя за-
травили, обманули, замучили?

Анна плачет.

Да нет, признаюсь тебе, в первую минуту, когда я узнал, что ты вышла замуж за этого дурака, я разозлился на тебя. Я бы убил тебя, если б ты была близко. Целыми днями я бегал, словно безумный, по полю и проклинал тебя, просил у бога на твою голову самой тяжелой кары, самого страшного несчастья.

А н н а (испуганно). Михайла!

Ж а н д а р м. Не бойся, бог не ребенок, чтобы слушать проклятия обезумевшего человека.

А н н а (сквозь слезы). Ой, боюсь, что все-таки он услышал тебя!

Ж а н д а р м (радостно). Что? Значит ты не забыла меня? Любишь еще, Анна?

А н н а (испуганно отталкивает его от себя). Молчи, молчи! Что ты говоришь? Не смей так

говорить со мной. Я замужняя женщина, у меня муж есть!

Ж а н д а р м. Э, что такое муж! Сегодня есть, а завтра, может, и не будет.

А н н а. Как? Что это значит? Что ты говоришь?

Ж а н д а р м. Ничего. Просто так. А если б его не было, тогда бы ты...

А н н а. Молчи! Молчи! Не говори! Не смей думать ничего плохого о моем муже!

Ж а н д а р м. Эх, поговори еще! Это мы уж увидим. А что я о нем думаю, это мое дело.

А н н а (берет его за плечи). Михайла, что ты думаешь, скажи мне?

Ж а н д а р м. Оставь меня! Завтра увидишь.

А н н а. Завтра? Значит, что-то есть? Ты что-то задумал? Что-то страшное? О, да! Вижу это по твоим глазам! Слышала в твоём голосе, когда ты расспрашивал о его шрамах. О, я знаю тебя, у тебя каменное сердце. Я не буду просить тебя, чтоб ты сжалился над нами, не губил нас. Одно только тебе скажу, что двух невинных людей возьмешь на свою душу!

Ж а н д а р м. Надеюсь на бога, что ни одной не возьму. Но одно тебе скажу, хорошо бы сделал твой муж, если бы сегодня сидел дома и не ездил на заработок.

А н н а. Зверь ты, зверь лютый! Наточил зу-

бы, чтоб растерзать нас, и думаешь, что нашел подходящий случай. Но бог тебя накажет, тяжко накажет.

Жандарм (смеется). Ха-ха-ха! Вот здорово! Сошлись два мертвеца, которые при жизни так любились, что и после смерти не забыли друг друга, а сойдясь, не находят ничего лучшего, как лаяться. Анна, любушка моя, неужели я так ненавистен тебе?

Анна. Чего ты хочешь от меня? Зачем пришел в эти края?

Жандарм. Богом клянусь тебе, что я не хотел. Два месяца я уже здесь, и сама знаешь, что я до сих пор обходил даже твою хату. Даже сегодня, не знаю, бог ли, злая ли судьба, завели меня к вам.

Анна. Довольно! Муж идет. (Стелет постель.)

Жандарм садится у края стола, как будто дремлет.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Николай с охапкой соломы.

Николай (бросает солому среди хаты). Ну, уж и выюга там, господи! Гляди, к утру нашу хату вровень с крышей заметет. Я еле добрался от хаты до овина. (Раздевается.) Ты

что, Михайла, дремлешь? Я думал, что ты хочешь со старой знакомой (*кивает на Анну*) поговорить. Ведь вы когда-то любили друг друга?

Ж а н д а р м. Э, мало ли глупостей человеку в голову лезло по молодости лет. А теперь, как человека в солдатах вымуштровали, да по горам Боснии погоняли, да в жандармах закалили, так куда уж ему старую любовь вспоминать. И твоя жена, извини за слово, какая-то вялая стала. Верно, крепко в руках держишь, а?

Н и к о л а й. Я? Ее? Господи, да она меня... Да я бы ее... Но что там говорить! Смешно мне, старому. А вот что грустит и тоскует она около меня — это правда.

Ж а н д а р м. Это ваше дело. Зачем мне в это вмешиваться!

Н и к о л а й. Твоя правда, брат. Муж и жена — одна сатана. Чужому нечего туда соваться.

А н н а (*стелет жандарму на земляном полу*). Ты, Николай, двери запер?

Н и к о л а й. Ну, а как же? (*Зевает.*) Пора и на нашест. (*Крестится на иконы и шопотом творит молитву.*)

Ж а н д а р м. Уж разве и мне раздеваться. (*Раздевается, крестится и ложится спать.*) Ес-

ли я завтра рано не проснусь, будьте добры, разбудите меня, как встанете.

А н н а. Хорошо, хорошо. (Кладет его карабин на скамью, заглядывает в печь и закрывает ее.)

В это время Николай, окончив молитву, ложится спать.

Н и к о л а й. Ты спишь уже, Михайла?

Ж а н д а р м. Дремлю. А что такое?

Н и к о л а й. Так, ничего. Спокойной ночи!

Ж а н д а р м. Спокойной ночи!

Анна крестится, потом встает на лежанку и гасит лампу.

ЗАНАВЕС ПАДАЕТ

Действие второе

Та же декорация. День. Топится печь. Николай распаривает березовые прутья и крутит из них веревки. Анна то хлопочет у печи, то помогает ему.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Николай и Анна.

Николай. Ну, держи хорошенько, не выпускай! (Крутит.) Так. Теперь давай сюда. Чтоб его холера взяла с его дровами! Плюнуть бы на этот заработок, так нет, поезжай опять, чтоб мараться с этими проклятыми дровами, чтоб им пропасть.

Анна. Сегодня, может, легче будет ехать, нежели вчера. Гляди, разведрилось!

Николай. Ага, разведрилось! А вчера до крыши замело так, что и следу не найти. Нет,

я все-таки не поеду сегодня. И себя измучить и скотину испортить, а за что? Да пропади он пропадом со своими дровами.

А н н а. Верно, лучше уж не ехать, чем в снегу с тяжестью копать. Дрова не убегут, а работа и дома найдется. Ох, кабы ты вчера меня послушал, да не ездил!

Н и к о л а й. А что?!

А н н а. Так, ничего. Сердце мое чует какую-то беду. Какая мне сегодня гадость снилась, сохрани бог! Будто сею я кораллы по хате, по двору, по всему селу, да такие крупные, да красные...

Н и к о л а й (как будто про себя). Кораллы— это слезы.

А н н а. Потом будто на нашу хату со всех сторон собаки лают, в двери лезут, в окна морды суют и такие злые да голодные.

Н и к о л а й. Злые собаки — это напасть.

А н н а. Потом будто где-то меня к венцу наряжают во все белое: белые черевички, белую юбку, белую фату.

Н и к о л а й. Свят, свят, свят! Что с тобой, жена? Пусть господь отвратит от нас эту беду! Что ты говоришь?

А н н а. А что такое? Разве это что значит?

Н и к о л а й. И не приведи бог, в недобрый час вспомнить! Господи! Какой сон приви-

делся! На все воля божья. Никогда не надо прежде отца в пекло лезть, вот что! (*Скручивает веревку.*) Гм... и что делать с этими дровами, сам не знаю?

А н н а. Может, пойти, спросить Бабича, не едет ли он?

Н и к о л а й. Это правда, если он едет, так нечего и мне оставаться. Как только сани налажу, сразу же и схожу к нему. (*Бросает готовые веревки и садится на скамью.*) Ой, поясница болит. Господи, отдал человек всю свою силу на чужих людей, а теперь для себя только крохи остались. Анна!

А н н а (*около печи*). Что тебе?

Н и к о л а й. Что это жандарм так рано поднялся? Я и не видал, когда он ушел.

А н н а. Сказал, что надо, служба...

Н и к о л а й. Знаешь, когда я увидал его, сразу так и остоленел на месте. В такой час и в этом мундире — совсем казалось, что это мертвец с того света к нам пришел, а в то же время, вижу, он живой.

А н н а. Разве ты не знал, что он в наших краях?

Н и к о л а й. Я? Откуда я мог знать? Я был уверен, что и кости его давно сгнили в Боснии. Ведь твой брат клялся мне, что его нет в живых, даже письмо с его службы показывал.

Только беда в том, что я неграмотный и не мог прочитать.

А н н а. Значит, тебя так же обманули, как и меня.

Н и к о л а й. Не знаю, зачем им понадобилось выдать тебя непременно в дальнее село.

А н н а. А я знаю. Не хотели мне ничего дать из наследства. Если бы я вышла за Гурмана, так тот бы у них из горла вырвал. Ты знаешь, какой он был человек. Они боялись его, вот и постарались вместе со старостой, чтоб Михайлу, единственного сына у матери, погнали на войну, а потом воспользовались этим и меня также выпихнули в другую сторону. Вот вся и премудрость.

Н и к о л а й. Господи, а я и не догадывался, куда следок идет. С богатеями компании не водил и в их подвохах не разбираюсь.

Анна проходит мимо него, он ловит ее, привлекает к себе и целует в лоб.

Бедняжка ты моя! И сильно ты любила этого Михайла?

А н н а (вспыхнув). Ну, что уж говорить об этом! Любила или не любила, теперь нечего вспоминать. Иди скорей сани чинить! А то обед готов. Пока ты там справишься, так все остынет.

Николай. Ты права, Анна! (Встает, берет веревки.) Некогда бедному былым забавляться, надо работать. Наливай, я сейчас управлюсь. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Анна, Николай (за сценой).

Анна (наливает борщ в миску, в другую накладывает фасоль и ставит на стол). «Сильно ли ты любила этого Михайла?» Думается — сильно, коли доселе вся дрожу, всю меня в озноб бросает, как вспомню его. Кажется, очень сильно. А может, больше боялась его, чем любила. Силы-то у него! Вола за рога схватит, да так наземь и повалит. Господи, да таких, как мой муж, ему двоих в одну горсть забрать ничего не стоит. Одним взглядом, кажется, насквозь тебя прошибет, как раскаленным железом. Ох, как же я боюсь его теперь! Боюсь, как самого лютого врага! И уж если он взъелся на нас, так, верно, сотрет нас в прах, уничтожит, помиру пустит. Разве мой муж сможет бороться с ним?

Николай (за сценой). Анна! Эй, Анна!

Анна. Чего тебе?

Николай. Куда ты торбу дела? Дай, лошадям сена наложу.

А н н а. Торба здесь в сенях, я давно ее сеном набила. Иди обедать. (*Выгребает жар из печи.*)

Н и к о л а й. Сейчас, только перекладыны прилажу. Где-то две перекладыны выпали.

А н н а. Оставь ты эти перекладыны, не убегут. Ой, господи, чем дальше, тем что-то тяжелей мне становится. Будто вот-вот какое-то несчастье...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Н и к о л а й и А н н а.

Н и к о л а й (*входя, скрипнув дверью*). Н-ну!

А н н а (*отскочив от печи*). Ох! Это ты?

Н и к о л а й. Что с тобой, жена? На тебе лица нет!

А н н а. Ничего, ничего. Мне что-то нехорошо стало. Может, от печки... Я малость угорела, голова кружится. Садись-ка да ешь, а я воды напьюсь, авось полегчает.

Н и к о л а й (*садится за стол, крестится и берет ложку*). Иди и ты обедать. Мне одному еда что-то в рот не лезет. ●

А н н а. Еще что! Не придумывай, ешь! А я пока схожу к Бабичу и спрошу его, поедет ли он в лес.

Н и к о л а й. Ну, коли так, иди. Немножко

пройдешься, может, и голова перестанет болеть. Иди, иди! (Ест.)

Анна набрасывает на голову платок и направляется к двери. В эту минуту дверь отворяется. Входят жандарм, староста, Бабиц, понятой и еще один крестьянин.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Николай, Анна, жандарм, староста, Бабиц, понятой и крестьянин.

Староста (входя). Здравствуйте!

Николай. Доброго здоровья! Просим отобедать с нами!

Староста. Кушайте на здоровье!

Николай. Садитесь, господин староста. Что вас привело к нам?

Староста. Гм... да так. Маленькое дело к вам есть. (Садится на табуретку, спиной к столу.)

Жандарм садится на скамью, понятой и крестьянин стоят и разглядывают хату.

Николай. Ко мне? Что такое?

Староста. Вы вчера сказали господину жандарму, что были ночью в корчме в Купиньи?

Николай. Да, был. Не в корчме, а около корчмы.

Староста. И поздно ночью?

Николай. Да, поздно. За мной уже, видно, никто не ехал.

Староста. Когда приехали домой, вы были в крови?

Николай. Да-а...

Жандарм. Что? Вы и домой приехали окровавленный? Я этого от вас не слыхал. Хозяйка, правда это?

Анна. Правда. Я сама с него кровь смывала.

Жандарм. О, это очень важное дело. *(Записывает в книжку.)* А ведь вы сказали, что изувечились в лесу, когда дрова брали. Значит, вы и в город ехали и из города возвращались в крови?

Староста. Он вам так сказал? Это не правда. Он в городе был здоровехонек, и крови на нем не было. Я сам видел его у соляной копи.

Николай. Договаривайте же всю правду, господин староста!

Староста. Какую всю правду?

Николай. Ведь это вы сами меня до крови избили.

Жандарм *(вскакивая)*. Что, что, что?

Староста. Врешь, Николай! Правда, мы

с тобой малость поссорились из-за тех полен, но я и не думал тебя бить.

Николай. У меня есть свидетели. Я нарочно не смывал с себя кровь и домой так приехал, чтобы притянуть вас к суду.

Староста. Ха-ха-ха! Меня! К суду!

Жандарм. Кто ваши свидетели?

Николай. Вот кум Бабиц так же были там, могут показать.

Бабиц (почесывая затылок). Быть-то я был, что и говорить, но я, кум, не видел того, чтоб вас начальник в кровь избил. Ударил вас по уху, это правда, но чтобы он вас так исцарапал, этого я показать не могу.

Крестьянин. И я также не могу.

Жандарм. Николай Задорожный, я вас арестую. (Вынимает из мешка железные ручные кандалы.) Давайте руки и не думайте сопротивляться, вам хуже будет.

Анна. Ой, горюшко мое!

Николай. Арестуете? меня? за что?

Жандарм. Вы сами лучше знаете, за что. Вчера ночью в корчме в Купиньи вырезали всех шинкарей.

Николай. Ой, господи! И я в этом повинен?

Жандарм. Я не знаю. Дай бог, чтоб нет. Но скажите сами, разве не все против вас

свидетельствует? Если вы невиновны, то вам нечего бояться, на суде ваша правда выяснится. Но я должен сделать свое. Давайте руки!

Ник о л а й. Бог свидетель, я не виноват. Делайте со мной, что хотите. (*Подает руки, жандарм надевает кандалы.*)

Ж а н д а р м. Вот это умно. Теперь скажите мне, где те сапоги, которые были на вас вчера?

Ник о л а й. Вон стоят на печке.

Ж а н д а р м. Понятой, дайте их сюда!

Понятой подает. Староста и жандарм рассматривают их у окна.

Э!.. Вот кровь!

С т а р о с т а. И вот тут есть!

Ж а н д а р м. Это печально. Отложить в сторону!

Ник о л а й. Это моя кровь, когда я ехал...

Ж а н д а р м. Об этом будете на суде говорить, это нас не касается. У вас с собой был топор? Где он?

Ник о л а й. Вот под скамьей.

Ж а н д а р м. Понятой, подай его сюда!

Понятой подает, жандарм и староста рассматривают.

Э, и здесь кровь! Вот, смотрите.

С т а р о с т а. Вот и на обухе. Вот и на

лезвии. (Осматривает тулуп.) Э, и тут. Отложить в сторону. (Идет к постели, ищет под подушкой в соломе. *Анне.*) Откройте сундук!

Анна все время стоит, не шевелясь, словно остолбенев, и глядит на него.

Жандарм. Слышите, жена, откройте сундук!

Она не пошевелинулась, тогда он сам вынул из-за ее пояса ключи, открыл сундук и вместе со старостой начал обыскивать его.

Ну, здесь ничего нет. Господин староста, понятой и вы, свидетели, идите с ним и обыщите весь двор, чулан, овин, сарай и все уголки! Я тут допрошу хозяйку.

Староста. Ну, Николай, идем с нами!

Николай. Господи, тебе одному ведомо, за что ты посылаешь мне этот тяжелый крест — да будет воля твоя. (*Уходит.*)

За ним идут староста, понятой и крестьянин.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Жандарм и Анна.

Жандарм (после ухода всех с минуту молчит, стоя неподвижно среди хаты против

Анны, которая стоит около догоревшей печи, потом выпрямляется и поднимает голову. Резко). Анна!

Анна поднимает голову, глядит на него с невыразимой тревогой и опускает глаза.

Жандарм. Поди сюда!

Анна подходит к нему и останавливается.

Ближе, ближе! Гляди мне в глаза! Прямо!

Анна (старается смотреть ему в глаза, вся дрожит, потом бросается перед ним на колени). Михайло! Михайло! Не мучай! Не могу смотреть на тебя! Ты такой страшный!

Жандарм. Глупая! Чего ты боишься? Для воров, разбойников я должен быть страшный, это моя служба. А ты не бойся!

Анна. Ведь он ни в чем неповинен! Клянись тебе, он неповинен!

Жандарм. Кто он? А, твой Николай! Ну, а может и виноват.

Анна. Нет, нет, нет! Никогда! Он такой добрый, он червяка напрасно не раздавит, не то, чтоб человека убить!

Жандарм. А меня убил! Меня сделал несчастным! Нет, не говори мне о нем! Какое мне дело до него? Я ему не враг, а так случилось, что все следы ведут к нему, и я должен его арестовать. Должен, слышишь? Это

моя служба. Если он не виноват, на суде его оправдают.

А н н а. Так что же ты от меня хочешь? Я с ним не была, ничего не знаю. Знаю только, что приехал весь в крови и сказал, что его избил староста.

Ж а н д а р м. Мне это безразлично. Будешь об этом говорить на суде. Я кое о чем другом хочу поговорить с тобой. Анна, смотри мне в глаза! *(Берет ее за плечи и вглядывается в ее глаза.)* А ты еще красивая, молодая, свежая. Анна, любишь меня?

А н н а *(дрожит)*. Михайло,пусти меня!

Ж а н д а р м. Нет, не пущу! Скажи сейчас, любишь меня?

А н н а *(отвернувшись)*. Нет, нет, не люблю! Ты страшный! Не люблю!

Ж а н д а р м *(грозно)*. Гляди мне в глаза, слышишь?

Анна глядит ему в глаза.

Скажи теперь, любишь меня?

А н н а. Михайло, как брата молю, не мучай меня! Когда ты вливаешься в меня своими глазами, мне так тяжело, так страшно. Сама не своя становлюсь.

Ж а н д а р м. Глупости! Говори, любишь меня?

А н н а (еле слышно). Люблю.

Ж а н д а р м. Еще раз скажи! Громче!

А н н а. Люблю.

Ж а н д а р м. Помни же. И будешь моей? Стой прямо, не дрожи! Знай, что от меня не убежишь! О, я не такой, чтоб выпустить тебя из рук! Уж если мне улыбнулось счастье после стольких лет, я не выпущу его! Зубами в него вцеплюсь, а не выпущу! Говори, будешь моей?

А н н а. Ради бога, Михайло! Не говори этого! Я замужняя женщина! Я поклялась. Грех мне слушать, грех думать об этом!

Ж а н д а р м. А не грех было мне слово дать, а потом выйти за другого? Не грех украсть мое счастье?

А н н а. И мое украдено, голубчик мой! И мое сердце разбито, и меня за немилого отдали! За такого глупого, что с ним стыдно на улице показаться, люди смеются, ведь разве только кому лень, тот не издевается над ним! И ты еще добить меня хочешь!

Ж а н д а р м. Напрасно пустое говоришь! Коли это правда, что ты говоришь, так будь моей! На зло тем, кто разлучил нас, наперекор тем, кто похитил наше счастье! Мы его вырвем у них, это наше счастье!

А н н а. Бог нас накажет, бог!

Жандарм. Не думай об этом! Богу не нужны наши мученья. Уж коли так случилось, так проживем свободно и отведаем счастья.

Анна. На долго ли оно?

Жандарм. Счастье вечным не бывает. Счастье все — день, час один, минута.

Анна. А потом?

Жандарм. Потом? Я не думаю о том, что потом будет! Досель бедствовали и мучались и потом то же буе. Эва, велика невидаль! Разве тебе страшно?

Анна (не сводя с него глаз, чуть слышно). Нет, не страшно.

Жандарм. Хочешь быть счастливой?

Анна (так же). Хочу.

Жандарм. Так будешь моей?

Анна (так же). Буду!

Жандарм. Помни! Держись своего слова. Если и теперь обманешь, то горе тебе! Я страшно отомщу и тебе и ему!

Анна (так же). Нет, не обману.

Жандарм. Ну, очнись! Что это ты словно сквозь сон говоришь? (Трясет ее за плечи.) Вот они возвращаются. Плачь, ломай руки, чтобы не догадались. Проси меня, чтоб я пожалел его! А как отвезут его в город, то я к тебе наведаюсь.

Анна, заломив руки, стоит молча у печки.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Николай, закованный в кандалы, Бабиц, староста и крестьянин.

Жандарм. Ну, староста, нашли что-нибудь подозрительное?

Староста. Ничегошеньки, господин жандарм. Только на саях двух перекладинок не хватает, а третья малость кровью запачкана.

Жандарм. Ага, это тоже важно... (Записывает в книжку.) Теперь ведите его. И эти вещи заберите. Перекладину из саней вынули?

Понятой. Я вынул, вот она.

Жандарм. Хорошо. Возьмите, и смотрите, чтоб кровь не стерлась. А вы, староста, лошадей для нас раздобудьте. По снегу тяжело будет гнать арестанта в город пешком. Может, у него сообщники есть, чтобы в лесу не напали да не отбили.

Николай. Господи! Что ж это со мной творится? За что мне такое тяжкое наказание?

Староста (почесывая затылок). С конской повинностью, господин жандарм, трудно нынче. Все, у кого есть лошаденки, потянулись на заработки—кто дрова возит, а кто пни корчует. Вот разве лошадей Николая взять и в его же сани запрячь.

Жандарм. Что ж, и это можно.

Староста. Кто-нибудь из наших поедет с вами и пригонит лошадей обратно.

Жандарм. Очень хорошо. Мне и так, должно быть, придется вернуться сюда для розыска сообщников.

Староста. Тем лучше. Кум Бабич, идите запрягать!

Ба б и ч уходит.

Николай (который сидел до сих пор на скамье и рукавом вытирал слезы). Анна!

Анна (словно окаменевшая). Что тебе, Никола?

Николай. У тебя душа чистая, невинная... молись богу, чтоб скорей моя невинность выявилась.

Анна. Чистая душа... Разве твоя не так чиста?

Николай. Хозяйство береги! Немного у нас добра, так чтоб и это не пропало. На адвокатов не траться, чтоб меня защищали. Надеюсь на бога, что и без них меня отец милосердный из этого несчастья вызволит.

Анна. Что ж, коли так говоришь...

Николай. Да, да, да, не делай этого. Надейся на бога. Но только... (Дрожит, его лицо искажается от плача, руки судорожно обни-

мают ее.) Анна! Аннушка моя! Только ты... не забудь меня! *(Вытирает слезы.)*

А н н а. Ну, что ты, Николай! Зачем же при чужих людях плакать? Успокойся. Бог не оставит нас.

Н и к о л а й. Что ж, божья воля! Пусть он делает со всеми нами, что хочет. Идемте, люди добрые!

Целует Анну и выходит. За ним жандарм, староста и другие. Анна бросается к двери, но останавливается, хватается за голову, ломает руки.

А н н а. Вот тебе и ангелы божьи над хатой пролетели!

ЗАНАВЕС ПАДАЕТ

Действие третье

Место перед корчмой. С правой стороны проселочная дорога, с левой — высокий плетень, в глубине сцены корчма с широкими открытыми воротами. Около корчмы скамьи, около плетня толстые бревна, на которых можно сидеть.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Три, по-праздничному одетые, девушки выходят из корчмы.

Первая девушка. Быстрехонько, сестрицы, быстрехонько бегите да скликайте парней...

Вторая девушка. Зачем? Что сказал Шлема?

Первая девушка. Музыка будет. Бегите!

Третья девушка. Гляди-ка, и староста разрешил?

Первая девушка. Видно, разрешил, коли Шлема говорит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Староста и девушки.

Староста (*приближается по улице и сворачивает к корчме, услышав их слова*). Ага, вы уж о музыке! Не разрешил староста, не разрешил и не разрешит ни за что на свете.

Третья девушка. Вот тебе и на! Не говорила ли я?

Вторая девушка. Как? Это чтоб на заговенье музыки не было?!

Староста. И не будет, не будет.

Первая девушка. Не слушайте, сестрицы! Бегите быстрехонько! Раз Шлема сказал, что будет, то уж верно будет!

Берутся за руки и, смеясь, убегают.

Староста. Ах ты, сорока-трещотка! Так для тебя слово Шлемы выше моего? Погоди-ка ты! (*Грозит ей палкой, потом, поправив на себе тулуп, идет в корчму.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Настя и две бабы выходят из корчмы.

Настя. Да куда вы, кума?

Первая баба. Домой, что ли?

Настя. Э, успеете. Там у вас, слава богу, дети не плачут. Вот посидим здесь на бревне. Смотрите, как солнышко пригревает. Даже приятно посидеть. Еще только заговенье, а тут уж словно весна наступает.

Вторая баба. Что ж, сядем. Нам некуда торопиться. Говорят, музыка будет, так посмотрим, как молодежь гуляет.

Садятся.

Первая баба. Так говоришь, кума Настя, что с Николой плохо?

Настя. Ой, храни бог, кумушка! Говорят — его повесят.

Обе бабы. Господи!

Крестятся.

Первая баба. И кто бы мог подумать, что он душегуб! Такой тихий, смирный...

Вторая баба. Ох, кумушка, человек всегда человек, а чорт, чтоб ему пропасть, всякого искусить может,

Первая баба. Говорят, вишь, там большие деньги забрали у Абрамки. Не известно, нашли ли их?

Настя. Где там, и след простыл. Никола молчит, как заклятый, не хочет выдать сообщников.

Первая баба. Вот глупый! Будто ему это поможет, что он будет гнить, а они блаженствовать.

Вторая баба. У них такой воровской закон: сам хоть погибни, а друг друга не смей выдавать.

Первая баба. Вот каменные души. Господи, и где только такие люди родятся, и материнское молоко сосут, и по земле ходят, и песни поют!

Вторая баба. Нет, кума, песен они не поют, никогда не поют. Слыхала ли ты когда, чтобы Никола пел?

Первая баба. И правда! Уж с каких пор я его знаю, а песни от него никогда не слыхала! Вот диковина!

Вторая баба. Ну, а как его жена? Вот еще несчастная! Такая молодая, такая красивая, из такой хорошей семьи! Ведь про ее отца по всем селам слава шла. Первый богач был во всем уезде и выборный от общины. А теперь вон до чего дошла!

Н а с т я. Ох, кумушка! Не знаете вы, что это за женщина!

П е р в а я б а б а. А что?

Н а с т я (*понижает голос и говорит на ухо*). Самая последняя...

О б е б а б ы (*всплескивая руками*). Что вы говорите?

Н а с т я. Что слышите. Мы ведь близкие соседи. Я как будто и не обращаю внимания, но хорошо вижу все, что у нее там делается.

О б е б а б ы. Ну, что, что? Расскажи!

Н а с т я. Что же вам рассказать? Противно говорить. Знаете, с кем она путается? С жандармом. С тем самым, что ее мужа в тюрьму посадил.

Б а б ы. Господи!

Н а с т я. Она его еще в девках любила. Он из того же села, что и она, а братья ее силой выдали за Николу.

Б а б ы. Это мы знаем... Но с жандармом!

Н а с т я. Он у нее два раза в неделю ночует. В сумерки приходит, до свету уходит. Он, видите ли, будто бы сообщников Николы разыскивает. Сам так моему мужу и сказал. А как же!

Б а б ы. Господи!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Анна, бабы и Настя. Во время этого разговора сцена постепенно заполняется парнями и девушками. Они стоят кучками, разговаривают, смеются. Пожилые женщины с мужьями, одни проходят по улице, другие заходят в корчму или выходят из нее.

Анна (входит, одетая по-праздничному, оглядывается боязливо и приближается к сидящим женщинам). Здравствуйте!

Первая баба (холодно). Доброго здоровья.

Анна. А не было ли тут?.. (Обрывает и оглядывается.)

Вторая баба. Вы мужа своего ищете? Нет, его не было тут.

Анна (поворачивается к ней испуганно). Мужа? Нет, я не мужа.

Настя (с едким укором). А мы вот тут о нем вспоминали, кума Анна, слышите? Говорят, что он очень болен.

Анна (как будто, не осознавая). Болен? Я не слыхала. А что с ним?

Настя (так же). Его повесить должны.

Анна (вздрагнув, но, увидя, что Настя издевается над ней, отвечает так же язвительно). Повесить? Что ж, это такая болезнь, что я в ней ему помочь не могу. Раз виноват, так пускай кается.

Н а с т я (поворачивается к ней спиной и говорит первой бабе). Знаете, там один человек из Непитова сидел с ним в одной камере, теперь он вышел и так рассказывал моему мужу. Передавал, мол, из вашего села Задорожный: «Попросите там мою жену, чтобы хоть раз меня навестила. Пусть мне хоть малость денег передаст, чистую рубаху принесет. Да пускай адвоката наймет».

А н н а уходит на улицу и исчезает.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е ж е без Анны. Понемногу собираются парни и девушки. Шум.

Первая баба. Паскуда!

Вторая баба. Зелье поганое!

Н а с т я. Без сердца она! И сразу это было видно. Когда брали его, хоть бы слово сказала, хоть бы одну слезу проронила, как порядочной жене полагается! Где там!

Вторая баба. Любопытно, кого она здесь искала?

Н а с т я. Его, его! Своего жандарма.

Первая баба. Гляди-ка! А он разве здесь?

Н а с т я. Сегодня я видела его в церкви... Стало быть, здесь.

Вторая баба. И мне кажется, что я его видела, когда он шел к старосте.

Настя. Она, верно, поджидала его дома, не дождалась, и пошла по селу искать его.

Вторая баба. Ну, это было бы слишком. Разве уж весь стыд потеряла.

Настя. А вы думаете, что не потеряла? Вот увидите! Она еще здесь танцевать с ним будет.

Обе бабы. Тьфу! Пропади ты пропадом!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, музыканты, потом староста.

Шум среди молодежи: «Музыканты идут! Музыканты! Готовьте место для музыкантов!» Несколько парней выносят из сеней корчмы высокую скамью и ставят на дворе под стеной! «Вот так! Здесь будет хорошо!»

Музыканты — три крестьянина: один со скрипкой, другой с контрабасом, третий с бубном, входят, кланяются на все стороны, потом влезают на скамейку, где для них тем временем поставили табуретки. Они садятся и настраивают инструменты. Вокруг шум, смех, шутки. Сцена наполняется.

Староста (*выходит из корчмы, сердито*). А здесь что? (*Увидев музыкантов*.) Вы что тут делаете? Кто вам разрешил?

Музыканты (встают, снимают шапки. Скрипач говорит). Господин начальник, нас позвали. Мы люди нанятые. Не наше дело спрашивать разрешения. Нас позвали, сказали, что можно.

Староста. Кто вас позвал?

Скрипач. Парни, а то кто же? Вон Андруха, да Алексей, да Степан.

Толпа стихает. Три парня выходят вперед и кланяются старосте.

Староста. Вам что нужно?

Первый парень (кланяется). Мы просим вас, господин начальник, чтоб вы, дескать, позволили малость потанцевать. Сегодня заговенье, так уж последний раз.

Староста (строго). Ты чей будешь?

Парень. Василья Поперечного, Алексей.

Староста. А ты сегодня был в церкви?

Парень. Был, господин начальник.

Староста. А слыхал, что батюшка наказывал?

Парень. Слыхал, господин начальник.

Староста. А наказывал он вам на танцы да на музыку к корчме ходить?

Парень. Нет, не говорили.

Староста. Это вы так слушаетесь его наказа?

Парень (чешет в затылке и улыбается). Да кто там его слушал, господин начальник! Наш батюшка старенький, разве они понимают, что молодым надобно? Так уж если вы позволите... Это от вас зависит, а не от батюшки.

Другие парни. Да, да! Мы уж господина начальника просим, разрешите нам.

Староста. Не разрешу! Нельзя!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Шлема.

Шлема (выбегает из корчмы с бутылкой и с чаркой). Как это нельзя? Почему нельзя? (Парням.) Нет, нет, не бойтесь, это господин начальник шутит. А почему бы нельзя? (Наливает чарку). Ну, господин начальник, дай вам бог здоровья!

Староста. Нет, Шлема, раз тебе сказано, что нельзя, так нельзя. Я выпить выпью, потому что у меня что-то в животе бурлит (пьет), и заплачу тебе, но ни танцев, ни музыки чтоб у меня не было.

Шлема. Но вы не имеете права мне запрещать, господин начальник. Это мой заработок. У меня патент есть.

Староста. Патент? Какой патент?

Ш л е м а. Как это какой? Императорский патент. С печатью! Вот смотрите! (*Вынимает из-за пазухи бумагу, сложенную вдесятеро, и подает ее старосте.*)

С т а р о с т а (*неумело разворачивает бумагу, разглядывает ее со всех сторон, очевидно, не умея читать, и возвращает ее обратно*). Что ж, коли есть патент, это другое дело. Это уже не в моей власти.

Ш л е м а. Вот видите? Не говорил ли я, что музыка будет? Ну, ребята, чего стоите? Зовите девушек! Смотрите, как они, не сглазить бы, приготовились танцевать. А вы, музыканты, выпьете?

М у з ы к а н т ы. Гляди-ка, да нам так и полагается.

К о н т р а б а с и с т. Сам бог велел.

Ш л е м а (*угощая их*). Ну, пейте же, пейте, да играйте хорошенько!

М у з ы к а н т ы. Это уж наше дело.

С т а р о с т а. И помните, чтобы все было пристойно, без богохульства.

Ш л е м а. Слышите, что говорит господин начальник? Без богохульства.

С т а р о с т а. А как солнце зайдет, сейчас же по домам расходитесь. Я сюда пришлю проверить, чтоб никто не смел...

Ш л е м а. Зачем, господин начальник? Зачем человека затруднять? Разве я сам не знаю, что полагается? Когда придет время, так я сам им скажу, что пора перестать. Ну, ну, веселитесь! А вы, господин начальник, пойдите со мной, я хочу вам сказать что-то очень хорошее. *(Тянет его в корчму.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Т е ж е, без старосты и Шлемы. Толпа расступается, освобождая место посредине. Мужчины постарше с женами садятся, кто около музыкантов, кто под стеной на скамьях, кто на бревнах. Дети влезают на плетень, парни и девушки в два ряда становятся в круг. Музыка начинает играть.

Первый парень. Эх, погуляем сегодня! Страхнем горе! Музыканты, коломийку! Да вдарьте такую частую, чтоб поджилки дрожали.

Музыканты играют коломийку, несколько пар танцует. Спустя некоторое время музыка обрывается, танцующие останавливаются.

П а р е н ь. Что это? Чего вы остановились?

Скрипач показывает смычком на улицу.

Выкрики: «жандарм, жандарм! Тот, который Николу в тюрьму посадил!» Все стихают, на лицах видно беспокойство и даже страх.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, жандарм и Анна.

Жандарм (*тянет Анну за руку*). Ну, иди же, иди! Чего тебе стыдиться!

Анна. Побойся бога, Михайло! Пусти меня! Гляди, люди смотрят.

Жандарм. Так что же, что смотрят? Кому любопытно, пускай глядит. Мне что из того? Я от людских взглядов не буду ни сыт, ни голоден.

Анна. Я от стыда сгораю. Шепчутся, пальцами показывают.

Жандарм (*сердито смотрит на нее*). Анна, я думал, что ты умная женщина, а ты все еще глупости плетешь. После того, что случилось, ты еще считаешься с людскими взглядами и шушуканьем! Тьфу, чисто бабья натура.

Анна. Михайло!

Жандарм. Нет, не говори мне так! Не хочу тебя ни знать, ни видеть, коли ты такая.

Анна. Михайло!

Жандарм. Ну, так идешь?

Анна. Господи, что же мне делать?

Жандарм. А танцевать будешь со мной?

Анна (*с ужасом*). Здесь? При всех?

Жандарм. Ты опять за свое? Ни слова больше! Будешь или нет?

А н н а (шепчет). Господи, дай мне силы!
Подает ему руку. Оба приближаются к толпе перед
корчмой.

Ж а н д а р м. Доброго здоровья!
Крестьяне и крестьянки (кла-
няются). Здравствуйте!

Ж а н д а р м. Я только что слышал здесь
музыку, видел танцы.

П а р е н ь. А разве нам нельзя?

Первый парень. Сегодня заговенье.

Третий парень. Нам господин началь-
ник дозволил.

Ж а н д а р м. Ну, ну, я ничего не говорю.
Танцуйте. Ну, музыканты, начинайте! Послу-
шаю, как вы тут в Незванычах играете. Мо-
жет, и меня охота возьмет с вами покру-
житься. Можно, ребята?

П а р н и. Просим, просим!

Музыка играет. Ж а н д а р м, немного послушав, бе-
рет А н н у за руку и идет с ней в корчму.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Т е ж е, без жандарма и Анны.

*Первая баба. В самом деле пошла с ним.

Вторая баба. Видно, ей сначала нелов-
ко было. Упиралась.

Н а с т я. Еще не привыкла, кума, но скоро привыкнет. Он ее научит.

В т о р а я б а б а. И страшный же! А как засмеется, еще страшнее. Как ощерит зубищи большие, да белые, так и кажется — вот-вот укусит.

Музыка, танцы. Через минуту ж а н д а р м и А н н а выходят из корчмы, берутся за руки и так же пускаются в пляс.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Т е ж е, ж а н д а р м и А н н а танцуют. Понемногу танцующие пары расступаются. На лицах у всех возмущение. Жандарм и Анна остаются одни.

Ж а н д а р м (увидев это, останавливается и сердито). А это что? (Оглядывается вокруг.) Почему не танцуете?

П а р н и (кланяются лукаво). С нас хватит.

Ж а н д а р м. Как это? Не хотите больше?

П а р н и. Нет, устали.

Ж а н д а р м. Ребята, это вы из-за меня?

П а р е н ь. Может, и так.

Ж а н д а р м. Что? Вы смеете меня так позорить?

П а р е н ь (смелее). А господин жандарм смеют нас так позорить?

Ж а н д а р м. Как?

П а р е н ь. Танцевать с такой женщиной.

Жандарм. С какой?

Парень. Сами лучше знаете, с какой. Мы с ней не танцуем.

Жандарм. Но я с ней танцую. Вы не смеете меня позорить. Я государев слуга.

Парни. Все мы государевы. А танцовать вы нас не заставите.

Жандарм (мягче). Может, и заставлю. (Кричит.) Эй, Шлема!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и Шлема. За ним староста.

Шлема (держа насос для переливания вина). Что вам угодно, господин начальник поста?

Жандарм. Ведро водки и полбочки пива для всей компании за мой счет, понимаешь? И сейчас же!

Парень. Вы, господин жандарм, напрасно тратитесь. Мы ни вашей водки, ни вашего пива пить не будем и танцовать с этой женщиной не пойдем. Мы ни у вас, ни у нее этим чести не отнимаем. Что хотите, то и делайте, но танцовать с вами не можем. Угодно господину начальнику запретить нам дальше гулять, так мы разойдемся. Эй, ребята, девушки, пошли по домам!

Староста (выходя на середину). Эй, что здесь случилось?

Парень (кланяясь). Ничего, господин начальник. Потанцовали и по домам расходимся.

Староста. Гляди-ка, так скоро?

Парень. Батюшка ведь строго наказывали.

Староста. Молокосос! Ты смеешь мне об этом напоминать? Скажи тому, у кого носа нет, а не мне. Ты думаешь, я дурак, и не вижу, что здесь происходит?

Парень. Так зачем же господин начальник спрашивают?

Староста. Молчи, дурень! Ребята, стыдно вам так поступать! Господин жандарм сегодня наш гость, сами же вы его позвали, — не отказывайтесь, я видел из окна! А теперь так позорить его! Нехорошо это.

Парень. А нам приходится, значит, с такой вместе танцевать?

Староста. Анна порядочная женщина! Что вы от нее хотите?

Парень. Мужа скоро повесят, а она здесь плясать будет? Разве так порядочные женщины поступают?

Староста. Не слушайте, ребята! Это вранье. Ее мужа еще не судили, еще неизвестно, виновен ли он, а без суда никого не вешают. И если господин жандарм не гнушается танцевать с ней, так и вы не имеете права отказываться. Ну, ну, не фыркайте, а радуйтесь,

что вам позволили гулять. А вы, господин жандарм, не перечьте мальчишкам. Сами видите, они это не по злобе. А ну-ка, музыканты, играйте!

Музыканты играют. Медленно, вяло начинаются танцы. Спустя некоторое время, жандарм и Анна опять пускаются в пляс. Вдруг на полтакте музыка обрывается, все пары, кроме жандарма и Анны, останавливаются, как вкопанные.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Т е ж е и, спустя минуту, Н и к о л а й. Музыканты и часть танцующих видят Николая до того, как он появился на сцене, ж а н д а р м и А н н а обращены к нему спиной.

Ж а н д а р м (топает ногой). Сто сот чертей! Это что опять? Чего вы остановились? Эй, музыканты! Вы хотите...

Музыкант молча указывает смычком.

Ж а н д а р м (повертывается и видит Н и к о л а я). А это что?

Н и к о л а й (обросший бородой, в тулупе, с узелком за спиной входит и кланяется народу). Здравствуйте!

В с е. Доброго здоровья!

А н н а (увидев его, вскрикивает). Господи! Пропала я! Никола!

Н и к о л а й (*мрачно усмехается*). Что я вижу, и моя жена здесь. Это хорошо. И вы здесь, господин жандарм? Да, вижу, я помешал вашему веселью.

Ж а н д а р м. Ну, как поживаешь, Николай? Что слышно? Отпустили тебя?

Н и к о л а й. Слава богу, отпустили.

Ж а н д а р м. Очень рад. (*Подходит, подает ему руку.*) А знаешь, кому ты за это должен быть благодарен?

Н и к о л а й. Откуда мне знать? Разве там скажут? Пришли, отворили камеру, приказали собраться, вот и все.

Ж а н д а р м. Мне должен быть благодарен.

Н и к о л а й. Тебе? За что?

Ж а н д а р м. За то, что я нашел настоящего убийцу и не одного, а целую компанию. Не сегодня—завтра их арестуют. Правда, трудов мне это стоило много. Такое было, что и сам чуть голову не сложил, но, знаешь, когда я тебя арестовал, мне как-то тяжело на сердце стало. Мне все казалось, что ты невиновен, а думать будешь, что я тебя умышленно в беду втянул. И я не мог успокоиться, пока не попал на след убийц.

Н и к о л а й (*кланяется ему*). Пусть тебе бог заплатит за все хорошее, а за злое... (*С уко-*

ром смотрит на Анну.) А зло пусть вам бог простит!

Жандарм (смеется). Ну, зло! Так много зла я никому не сделал. Мне, может, кое-кто больше зла сделал, но я никому не припоминаю.

Николай (торопливо). Я тоже нет, тоже нет! Сохрани боже! Что там вспоминать!

Жандарм. Я вот нынче твою хозяйку сильно вытащил из дому, чтоб хоть малость проветрилась да на люди показалась.

Николай. Спасибо, спасибо тебе, что хоть ты о ней заботился. Слышал я, сидя в том пекле, слышал, как ты за ней присматривал. Спасибо! (Кланяется.) Ну, Анна, а ты чего стала, словно приговоренная? Что же не здороваешься со мной?

Анна. У нас еще будет время поздороваться. Зачем же здесь перед всем народом?

Николай. Правда, правда! Это дело семейное, незачем его на людях показывать. Ну, так пойдем домой. Прощайте, люди добрые!

Кланяется, собирается уходить. Анна за ним.

Жандарм. Николай, эй! Подожди-ка!

Николай (оглядываясь). Чего тебе?

Жандарм. Что ж меня не зовешь к себе? Ведь сегодня праздник, нужно ж его как-

нибудь отметить. Ого, не думай, что это тебе так пройдет!

Н и к о л а й (беспокойно). Что же, коли милость твоя... А я, по правде сказать, не думал...

Ж а н д а р м. Когда ты за всю свою жизнь о чем-нибудь думал? Все другие за тебя думали. Так погоди, коли ты не знаешь обхождения, я тебя угощу. Эй, Шлема!

Ш л е м а (выбегает с пустыми стаканами). Что вам угодно?

Ж а н д а р м. Бутылку водки, вишневки и все, что там еще у тебя есть вкусное, уложи в корзинку и поживей! Плачу наличными.

Ш л е м а. Нет, нет, разве я с господина начальника поста спрашиваю? А куда это отослать?

Ж а н д а р м. К Николаю! И живо!

Ш л е м а. Хорошо, хорошо! (Уходит в корчму.)

Ж а н д а р м (машет шапкой). Ну, народ, будьте здоровы! (Уходит.)

Н а с т я (ворчит ему вслед). А чтоб ты себе голову свернул!

Музыка. Парни и девушки снова готовятся к танцу.

ЗАНАВЕС ПАДАЕТ

Действие четвертое

Хата Николая.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

А н н а одна.

А н н а (под окном мотает пряжу на мотовиле и считает нитки). Одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать. (Останавливается.) Седьмой день его нет. Может, сегодня придет. И боюсь его и жить без него не могу. (Продолжает мотать.) Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать. (Останавливается, закрывает глаза и задумывается.) Какой страшный! Какой грозный! А сила-то какая! Кажется, кабы захотел, так и раздавил бы меня и этого... моего... растяпу. Взглядом бы одним пронзил. И чем

страшнее, чем резче со мной говорит, тем больше, кажется, я люблю его. Дрожу вся, кажется, тону в нем, делаюсь частицей его, и нет у меня ни своей воли, ни своего разума, ни силы, ничего. Тогда мне все равно, все готова отдать ему, броситься в омут, если он этого захочет! Ах! (*Мотает опять.*) Двадцать одна, две, три, четыре. (*Завязывает прядь.*) И не отдала ли я ему все, все, что может отдать женщина любимому человеку? Даже душу свою, честь женскую, свое доброе имя. Клятву для него нарушила. Сама себя на посмешище людское отдала. Ну, и что же! Мне все равно! Он для меня все: и свет, и люди, и честь, и клятва. (*Мотает.*) Один, два, три, четыре, пять, шесть ..

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жандарм и Анна.

Жандарм (*входит*). Здравствуй, Анна! Ты одна?

Анна (*роняет мотовило и веретено*). Ах! это ты? Где же ты был так долго? Почему не приходил?

Жандарм. Где муж?

Анна. На гумне молотит.

Жандарм. Ну, что он?

Анна. Как это — что?

Жандарм. Не упрекает тебя, не бьет, не ругает?

Анна. Он? Ни словечка. Даже не спрашивал, почему я не приходила к нему в тюрьму. Крутится по хате, хлопочет по хозяйству, как прежде.

Жандарм. Ну, а ты не начинала с ним разговора?

Анна. О чем мне с ним говорить? Опротивел он мне. Лучше бы сгнил в тюрьме.

Жандарм. Ну, а как думаешь, знает он о том, что произошло между нами?

Анна. Кто его знает? Мне он даже намеком не дал этого почуять.

Жандарм. Ну, а, может, соседи наговорили ему?

Анна. Может быть. Меня это не касается. Я теперь спокойна, ничего не боюсь: ни о чем не думаю, никого не знаю, кроме тебя одного. *(Подходит к нему, боязливо.)* Михайло, можно тебя обнять?

Жандарм обнимает ее.

И поцеловать?

Целуются.

Знаешь, раньше я, кажется, умерла бы от стыда, если бы только подумала, что я, замужняя женщина, могу так целовать другого.

А теперь! (*Целует его, как безумная.*) Милый мой! Теперь у меня никакой тревоги, никакого стыда нет!

Николай открывает дверь, но, увидев, что Михайло и Анна целуются, отступает назад и закрывает дверь.

Жандарм (*шопотом*). Он был.

Анна. Ну и пускай! Не боюсь я его.

Жандарм. Я тоже не из трусливого рода, но сейчас я не хочу говорить с ним. Я только на минутку забежал, должен еще пойти к старосте отдать ему письмо, а потом приду к вам на несколько часов. Прощай! (*Берет карабин и уходит.*)

Анна. Приходи же! Буду ждать под вечер! (*Снова начинает мотать.*) Да, он видал нас. Ну, что ж из этого? Коли доселе бельма не лопнули, так должен был видеть. Ах, не теперь, так в четверг, все равно увидел бы. Я прятаться от него не думаю. Пускай делает со мной, что хочет! (*Считает шопотом нитки, завязывает прядь.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Николай и Анна.

Николай (*входит с цепом в руке*). Анна, ты одна?

А н н а. Одна.

Н и к о л а й. А этот... жандарм... ушел уже?

А н н а. Пошел к старосте, но сказал — через часок придет. А что? Ты хотел с ним поговорить?

Н и к о л а й. Я? Нет... Разве так... так... словечко... Впрочем, нет! О чем мне с ним говорить? Вот, видишь, ремешек у цепа оборвался, так я пришел связать. Нет ли у тебя где веревочки?

А н н а. Нет. Вот на тебе пряжу, скрути себе.

Н и к о л а й. Разве уж так и сделать. *(Берет пряжу, вбивает в стол шило, делает прядку, слюнит и начинает плести.)*

Анна продолжает мотать, шопотом считая нитки.

(Через минуту.) Анна!

А н н а. Что тебе?

Н и к о л а й. Так этот жандарм, этот Михайло Гурман...

А н н а. Ну, что тебе от него надо?

Н и к о л а й. Я знаю, ты еще девкой его любила... и теперь любишь.

А н н а *(перестает мотать и глядит на него)*. Ну, и что же из этого?

Н и к о л а й *(опустив голову)*. Да ничего.

Разве я тебе что говорю! (С минуту молчит, потом начинает плакать, опустив голову на стол.)

Анна. Так чего же ты плачешь? Зачем терзаешь мое сердце?

Николай. Потому что... потому что... мое истерзано... (Встает и быстро подходит к ней.) Анна! Неужто ты меня так... так ни капельки и не любишь?

Анна. Нет.

Николай. И никогда не любила?

Анна. Нет.

Николай. И не можешь приневолить себя жить со мной хотя бы попрежнему?

Анна. Нет. (Опускает голову.) Все пропало.

Николай (отвернувшись). Что ж, видно, такова божья воля. Господи, зачем ты вывел меня из тюрьмы? Почему не дал мне сгнить там?! Я думал, что нет горше муки, чем неволя. Когда пришли и сказали мне: «Николай, ты свободен, видим, что ты не виноват»,—господи, то у меня чуть сердце не разорвалось от великой радости. Я молил у бога крылья, чтоб поскорей прилететь домой, а тут застал такое... такое, что и язык не поворачивается сказать! Такое, что неволя в тюрьме против этого кажется мне раем! (Рыдает.) И за ка-

кую вину господь меня так тяжело карает? Чем я оскорбил, чем прогневал его?

А н н а. Перестань, Никола, не плачь! И меня не вини. Ты хорошо знаешь, что и моей вины тут немного. Силой выдали за тебя. Пока была властна я над собой, была верна тебе, хотя любила другого. Но теперь нет моих сил.

Н и к о л а й. Что же нам делать? Как жить?

А н н а. Поступай, как хочешь, как тебе совесть говорит. Убей меня, выгони или оставь у себя — мне все равно.

Н и к о л а й. Слушай, Анна! Я тебя понимаю. Я люблю тебя. Мне жаль тебя, как свою душу. Я не хочу быть твоим палачом, я знаю, что ты и без меня много выстрадала. Только об одном тебя прошу — постыдись людей! Не меня — пускай уж я буду ничем для тебя, — но людей. Чтоб люди над нами не смеялись!

А н н а. Разве я могу им запретить смеяться? Пусть смеются, коли им смешно!

Н и к о л а й. А все-таки... Не показывайся на людях... с ним. Не топчи в грязь мою бедную голову. А коли нет, так убей меня, чтоб я не видел этого!

А н н а. Это не от меня зависит, Никола! Теперь я знаю только его одного, как досель знала тебя. Что он мне скажет, то и сделаю,

а больше ни на что не посмотрю. Позор, так позор, смерть, так смерть. С ним я ничего не боюсь. А ты поступай, как знаешь.

Н и к о л а й (хватается за голову). Господи, господи, она совсем обезумела! Говорит, как в горячке. Это он, проклятый, околдовал ее, дал ей какое-то зелье, это он ее с ума свел, чтоб насмеяться надо мной! (Ходит по хате с выражением муки на лице.)

Анна продолжает мотать пряжу.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т е ж е и ж а н д а р м.

Ж а н д а р м (входит). Здравствуй, Николай!

Н и к о л а й (угрюмо). Здравствуй, Михайло!

Ж а н д а р м (смеясь, хлопает его по плечу).

Между прочим, ты бы хоть раз заговорил со мной, как со старым знакомым.

Н и к о л а й. Лучше бы нам не знать друг друга никогда.

Ж а н д а р м. Почему? Тьфу, Николай, как ты насупился? Словно я отца твоего зарезал.

Н и к о л а й. Ты мне еще хуже сделал.

Ж а н д а р м. Эх, перестань, не болтай глупости! Иди лучше, садись здесь! (Насильно сажает его у стола, кладет карабин и шапку на

другом конце стола и после этого вынимает из мешка бутылку водки.) Давай с этой гадалкой посоветуемся, как на свете жить. Анна, найди-ка там какой-нибудь наперсток!

Анна встает, ставит на стол чарку, хлеб и творог.

Н и к о л а й. Спасибо, я не пью.

Ж а н д а р м. Как не пьешь? Что ты выдумываешь, Николай? На этой недели пил, а теперь не пьешь! Ну, это ты пустое выдумал! (Наливает.) За твое здоровье, Николай! (Пьет.) А!.. Видишь, я один пью. (Наливает.) На, выпей! Не унывай! Стряхни с себя горе! Пускай мошкина кобыла грустит, что у нее голова большая.

Н и к о л а й (берет чарку). Эх, вижу, Михайло, с тобой ничего не поделаешь. Чтоб ты сдох! (Пьет.)

Ж а н д а р м (смеется). Ха-ха-ха! Чтоб ты сдох! Хорошо ты мне здоровья желаешь! Ха-ха-ха! Шутник ты, Николай, ей-богу, шутник! (Хлопает его по плечу.)

Н и к о л а й. Что ж, Михайло, что кому полагается!

Ж а н д а р м. Так ты думаешь, что мне полагалось бы сдохнуть?

Н и к о л а й. Думаю, что это было бы луч-

ше и для меня, и для тебя, и для нее. (Показывает на Анну.)

Жандарм. И для нее? А мы и забыли про хозяйку! (Наливает.) Ну, Анна, выпей за здоровье своего мужа!

Анна. За твое здоровье, Михайло! (Пьет.)

Жандарм. Ха-ха-ха! Видишь, Николай, твоя жена малость другого мне желает, чем ты! Выпьем теперь за ее здоровье.

Пьют.

Николай. Ну, и крепкая же твоя вишневка, Михайло. От двух чарок уже в голову бьет.

Жандарм. Не обращай внимания, сынок мой! Это только голова твоя слаба, вот что! Крепкую голову и десятая чарка не возьмет.

Николай (опустив голову на руки). Слабая голова, говоришь? Правду говоришь! И без твоей вишневки она у меня ходуном ходила, а теперь еще хуже. Знаешь, Михайло, что я тебе скажу, по дружбе, по старому знакомству?

Жандарм. Ну, что?

Николай. Может, ты бы перестал бывать у меня?

Жандарм. Это почему же, Николай? Мои посещения тебе надоели?

Н и к о л а й. Надоели или не надоели, а так. Мне кажется, было бы лучше, если бы ты не показывался.

Ж а н д а р м. Не могу, браток, ей-богу, не могу. Служба у меня такая, что все мимо вашей хаты моя дорога идет. И к тому же, голубчик мой, еще одно дело припутано.

Н и к о л а й. Какое?

Ж а н д а р м. Хотя это и государственная тайна, но что делать, скажу тебе. Но сперва выпьем! Да минует нас всякое зло! *(Наливает, пьют.)* Так вот какое дело, голубчик. Тебя как будто выпустили из тюрьмы...

Н и к о л а й *(вскочив)*. Как будто? Как это как будто?

Ж а н д а р м. Ну, ну, уж ты сразу все принимаешь всерьез, будто и вправду чувствуешь, что виноват! Эх, Николай! Ведь ты сам чувствуешь себя невиновным, правда? *(Настойчиво.)* Ведь собственная совесть говорит тебе, что ты невиновен? Правда? *(Смотрит ему в упор в глаза.)*

Н и к о л а й *(в замешательстве, криливо)*. Бог свидетель, что правда!

Ж а н д а р м *(насмешливо)*. Ну, ну, Николай! Не говори так! Особенно перед жандармом с такими речами не вылезай. Потому что, брат, между нами, жандармами, сложи-

лось такое мнение, как на кого подозрение падет, а он начинает бога в свидетели призывать, значит, у него совесть не совсем чиста. Значит, у него что-то неладно...

Н и к о л а й (испуганно). Так... значит... ты думаешь, что я?..

Ж а н д а р м (смеется, хлопает его по плечу). Ха-ха-ха! Младенец ты, Николай, вот что я думаю. Тебя всякой чертовщиной запугать можно. Не бойся! Не так страшен чорт, как его малюют. То, что тебе сейчас кажется, не так уж страшно! Ко всему человек привыкнет!

Н и к о л а й. Ты на что это намекаешь? Я как-то не совсем понимаю тебя!

Ж а н д а р м. Поймешь, братец, поймешь, когда время придет. А теперь, знаешь, что бы я тебе посоветовал?

Н и к о л а й. Ну, что?

Ж а н д а р м. Успокойся. Не подымай шума. Живи себе тихо, смирно, как бог велел, и не обращай внимания на то, что вокруг тебя творится.

Н и к о л а й. Не обращать внимания? А ты полагаешь, что это можно?

Ж а н д а р м. А почему бы нельзя? Конечно, можно. Поверь мне, дружище! Я много по свету ходил, много кое-чего видел и знаю. Так

вот что я тебе скажу: тысячи людей живут вот так, как ты, и не спрашивают даже, как это случилось, откуда пошло, кто виноват? Разве у человека хватит разума во всем этом разобраться? Сталось-склалось, а чем поможешь? Надо брать жизнь такой, какова она есть, надо жить так, как можно.

Н и к о л а й. И с разбитым сердцем?

Ж а н д а р м. Пустяки сердце! У кого оно цело?

Н и к о л а й. И на посмешище людям?

Ж а н д а р м. Плюнь ты на людей! Что тебе от них нужно? А коль ты над ними будешь смеяться, так они над тобой перестанут. Еще сами к тебе придут.

Н и к о л а й (в раздумье). Что же, мудрый совет. Только, видно, не под силу моей слабой голове. (Хватается за голову и начинает рыдать.) Ой, не под силу, не под силу! Не выдержит моя голова!

Ж а н д а р м. Не бойся, выдержит. Я тебе помогу. Я сверну голову всякому, кто посмеет над тобой смеяться.

Н и к о л а й. Много будет свернутых голов.

Ж а н д а р м. Не бойся, это уж мое дело! А теперь, друг мой, Николай, знаешь что?

Н и к о л а й. Что такое?

Жандарм. Я вижу, ты очень устал. Тебя ко сну клонит. Поди на гумно, да засни.

Николай. А ты?

Жандарм. Обо мне не беспокойся. Я тоже малость отдохну, а потом пойду домой.

Николай. Может, Михайло, ты бы сам пошел на гумно и там лег спать.

Жандарм. Ну, ну, не устраивай комедии! Вот тебе тулуп (*снимает с вешалки тулуп, набрасывает на плечи Николаю*), подушку и одеяло. (*Стаскивает с постели подушку и одеяло и так кладет ему на плечи.*) Иди!

Вытаскивает его за дверь. Молчание. За сценой слышны тяжкие вздохи и медленные шаги Николая.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Жандарм и Анна.

Жандарм (*обнимает Анну*). Ну, теперь мы одни.

Анна. Оставь! Я боюсь, чтоб он там какой беды над собой не натворил.

Жандарм. Не бойся! Он сейчас слишком ослаб и раскис! Зароется в солому и уснет.

Анна (*прижимается к нему*). Михайло, Михайло! Что с нами будет? До чего же это дойдет? Чем это кончится?

Жандарм. Глупая! Вот она о чем тревожится! Будто кто-то на свете знает, чем что кончится и до чего дойдет? Живи и дыши, пока живешь! Плохо тебе? А коли не плохо, так благодари бога. Когда будет плохо, тогда и будет время думать о плохом. Чем кончится? Ничем не кончится. Будем жить, пока живется. Будем любить, пока любится. Будем людям в рожу смеяться, пока можно, пока они нас в грязь не втопчут. А потом? Потом один конец: все помрем и к чорту в зубы пойдем. Вот чем кончится, коли хочешь знать. (*Обнимает ее.*)

ЗАНАВЕС ПАДАЕТ

Действие пятое

Хата Николая. День. Стол отодвинут, за ним на скамьях сидят крестьяне и крестьянки. Среди них Бабич и Настя. Николай, подвыпивший, с чаркой в руке, стоит среди хаты. На столе большая бутылка водки, хлеб и соль.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Николай, Бабич, Настя, крестьяне и крестьянки.

Крестьяне пьяными голосами поют журавля.

Ой, там у ліси, ой там у лісі плужочок,
Плужочок-чок-чок, (2)-чок плужочок,
Ой, виорал він (2) ланочок,
Ланочок-чок-чок-чок (2), ланочок.
Ой, насіяв він (2) конопель,
Конопель-пель-пель-пель (2), конопель.
Та й занадився (2) журавель,
Журавель-вель-вель-вель (2), журавель.

Ой, я тому (2) журавлю,
Журавлю-влю-влю-влю (2), журавлю
Та бучком ноги (2) поломлю,
Поломлю-млю-млю-млю (2), поломлю.

Крестьяне и крестьянки при последних куплетах покачиваются, подталкивают друг друга плечами и кивают на Николая, который стоит, свесив голову, держа чарку в дрожащей руке. Песня кончилась.

Николай. Ну, кум, будь здоров! (Пьет.)

Баби ч. Дай вам бог всего хорошего!

Николай. Нет, не говорите этого! Чего еще хорошего? Ничего хорошего я у бога не прошу. Довольно этого хорошего я хлебнул, хватит с меня! (Наливает и передает чарку Бабичу.) Пожалуйста!

Баби ч. Покорно благодарю! Нет, куманек, не гневи бога! Что бог пошлет, все хорошо. Иной раз человек думает, что уж и не весть какая беда на него свалилась, ан через день-два оглянулся, а оно ему на пользу пошло. Ваше здоровье, соседусшка! (Обращается к другому крестьянину и пьет.)

Первый крестьянин. Пошли бог и вам!

Николай. Вы мне этого не говорите. Я на своей шкуре испытал, как оно на пользу выходит. Нет, дорогие кумовья, верьте мне

или не верьте, а мне кажется, что господь бог порой потеху себе из нас делает.

Крестьянин. Побойтесь, кум, что вы говорите! Да это же богохульство!

Николай (*машет рукой*). Одно еще меня на свете поддерживает — вот эта водочка! (*Берет чарку, наливает и пьет.*)

Настя (*у окна говорит с другой бабой, качая головой*). Я-то знала, что до этого дойдет. Ей-богу, у этой женщины ни стыда, ни жалости нет.

Первая баба. Ох, верно. Мой старик сказал, что на сходе будет говорить о том, чтоб ее при всем честном народе розгами высекли, пускай не подает дурного примера.

Настя. И стоило бы. Ведь и сегодня в церкви... господи помилуй! Такого еще и свет не видал! С чужим парнем даже в церковь пришла, а потом, когда одна стояла, так не то, чтобы к алтарю святому лицом повернуться! Где там! К нему повернулась, ему, окаянная, молитвы шепчет. Женщины от нее отодвинулись, большой круг освободили, жмутся, как от прокаженной, а она словно ничего и не замечает. Так всю обедню и выстояла. Да не всю, только «достойно» пропели, мой жандарм из церкви, моргнул ей, и она за ним вышла.

Первая баба. Куда же они потащились?
Настя. Должно быть, в корчму. Там оба в коморке и пьянствуют. *(Шепчет.)*

Баби ч. Кум Никола, так вы говорите, что жена вас голодом морит?

Николай. Кто? Я? Когда я это сказал? Где?

Баби ч. Я так слышал.

Первый крестьянин. И я слышал. По всему селу слух ходит.

Николай *(возбужденно)*. Это вранье! Все врут, кто эти слухи распускает. Какое кому дело до меня и до моей жены?

Настя. Верно, что нам-то нет дела, но кое-кому и есть дело до нее.

Николай. А кого это касается, что мы едим, что варим, сыты мы, или голодны?

Баби ч. Да вы, кум, не гневайтесь, что я вас спросил. Я не с плохим намереньем. Тут, видите, некоторые хотели на сельском сходе...

Николай. Что, что, что? Нет дела сходу до моей жены. Не имеет права!

Баби ч. Как вы ни обижайтесь, но это так. Только, видите ли, народ возмущается, что она больно плохой пример подает, извините, на посмешище людское с этим Гурманом таскается.

Николай *(хватается за голову)*. Ой, ой,

ой! Люди! Не режьте меня без ножа! Не мучайте меня! Не ковыряйтесь в моем сердце! Пусть моя жена не колет вам глаза! Вот пейте, как прежде, по-доброму, по-хорошему, коли пришли ко мне, угощайтесь и говорите о чем-нибудь веселом. А то, тьфу! Человеку и без вас тяжело, а вы еще добавляете.

Н а с т я. Ой, куманек, разве мы не знаем, что вам тяжело? *(Пьет.)*

Н и к о л а й. Ой, тяжело, кумушка, тяжело! *(Наливает и пьет.)*

Н а с т я. Говорят, что она с вами по целым дням не разговаривает.

Н и к о л а й. Да о чем нам говорить? Она молчит, и я молчу. Вот так целый день, как дураки, ходим. Она только в окно поглядывает, не идет ли он, а мне хоть бы словечко сказала.

Н а с т я. Ой, бедный ты, куманек, бедный. *(Наливает и пьет.)*

Н и к о л а й. Ой, бедный, кумушка, бедный. Один, как перст! *(Наливает и пьет.)* Как горюх при дороге! *(Плачет.)*

Н а с т я. Я не раз замечала, как ты мрешь с голоду, а она что ни сварит, все тому поганцу припрятывает. Кум, да ведь я твоя самая близкая соседка, все знаю, все вижу, хоть другой раз и не хотела бы видеть. Не раз у

меня сердце на части разрывалось! Ей-богу, куманек, разрывалось! *(Плачет, обнимает его.)*

Баби ч. Ну, ну, жена, не пора ли нам домой?

Крестьяне. Да, пора бы итти.

Николай. Люди добрые, соседи дорогие! Посидите еще немножко! Не спешите, не расходитесь! Я радуюсь, что человеческий голос слышу в этих стенах. Разговаривайте, угощайтесь. Прошу! Вот чарка стоит! Что это? Бутылка пустая? Я сейчас другую принесу. У меня боченочек спрятан в закрому. Что же делать грешному человеку? Коли уж такое на мою голову свалилось, так что поделаешь! Жить тошно, работа из рук валится, уж и не до хозяйства... Тьфу! На что оно мне? Взял да и продал лошадей, спрятал деньги и пропиваю понемножку. Пусть идут! Кончатся эти, еще что-нибудь продам!

Баби ч. Ой, кум, кум, плохо ты делаешь! Зря в голову вбил себе этот вздор, из-за такой дряни добро свое кровное разоряешь?

Николай. А на что оно мне? Разве будет у меня жизнь? Не будет, кум! Все пропало! Мне уже хозяином не быть, так пускай же все прахом идет. И землю продам, и хату продам, пускай все пропадом пропадает!

Баби ч. Продам, говоришь? А после что будет?

Ник о л а й. Как после? Когда после? У меня, кум, уже теперь это после. Теперь все кончено. Дальше уж ничего не будет. Ничегошеньки! Так чорт с ним! (Уходит с бутылкой.)

Первая баба. Совсем сгубили человека! Совсем с толку сбили!

Вторая баба. Немного ума у бедняги было и тот пропал.

Н а с т я. Я бы не знаю, на что поспорила, что она его каким-то зельем опоила.

Баби ч. А уж как жалко хозяйства! Трудился человек, всю жизнь работал так, что глаза на лоб лезли, мучился, страдал. Ой, господи, сколько перестрадал! Наконец, дорвался до куска хлеба, жить бы, да бога благодарить, и деточек дожидаться, а тут — на тебе! Как пожар налетел, как гром с ясного неба.

Первая баба. Верно, кум, говорите, деточек дожидаться. В том-то и беда вся, что у них детей нет. Кабы у них дети были, так она бы на такое не пошла. Уж заступлюсь за нее.

Первый крестьянин. А я этому не верю. Уж коли такая баба уродилась, так ее и цепью к дому не прикуешь. И детей бросит.

Первая баба. Ты не прав, кум, ей-богу, не прав! Дети—великое дело. Дети—половина матери. Одна половина, может, и рада бы пойти, позволить себе что, а другая не пускает, кричит: «А мы, мама! А что с нами будет?» И не пустят ту половину.

Николай (входит с бутылкой и ставит ее на стол). Вот она! Вот наша радость! Вот единая утеха! (Поднимает бутылку, трясет и снова ставит.) Полная, хватит нам. А ну, кумовья дорогие, соседи мои милые, дай нам бог здоровья! (Наливает, пьет и пускает чару в круговую.)

Баби ч. Кум Никола, эй, кум!

Николай. Что?

Баби ч. Я бы тебе, кум, сказал, да боюсь, чтоб ты на меня не прогневался.

Николай (садится около него, обнимает его за шею, плача). Говори, куманек, говори! Ты мой ближний сосед, ты мой советчик, говори!

Баби ч. Ты, кум, не в гнев тебе будь сказано, больно смирен, больно уступчив.

Николай (качает головой и тяжело вздыхает). Ой, да, да, правда, больно смирен, больно уступчив!

Баби ч. А они видят, что ты такой и колья у тебя на голове тешут.

Н и к о л а й (хватается за голову). Ох! (Плачет.) Тешут, тешут, аж в мозгу отдается.

Б а б и ч. Перестань, кум, нехорошо! Не плачь! Не будь ребенком!

Н и к о л а й. Не быть ребенком? А как же?

Б а б и ч. Ты бы взялся за свою жену малость поостроже. Покричал бы на нее, пригрозил бы, а то и побил раз, другой. Знаешь, баба, как лошадь, кнут любит, а без него совсем шальная станет.

Н и к о л а й. Ой, шальная, шальная.

Б а б и ч. Ну, и этого Гурмана ты приструнь. Что он завоевал тебя, что ли? Покажи ему, что ты в доме хозяин. Запрети ему приходить.

Н и к о л а й. Ой, просил я его, да где там, только смеется.

Б а б и ч. Просил! Бога побойся, кум, кто же в таком деле просит? Уж, наверно, он просьбы не послушает. А ты строго с ним!

Н и к о л а й. Ох, куманек, боюсь я его! Страшный он такой, как палач.

Б а б и ч. Нехорошо, кум! Ты же, чай, не ребенок. Чего ты боишься? Ведь он тебе ничего не может сделать.

Н и к о л а й (выпрямился). И это правда! Чего мне его бояться?

Баби ч. Ты ему пригрози, что ты подашь жалобу в суд, что он тебе не дает с женой жить.

Николай. И это правда! Ведь и над ним есть старший! И надо жаловаться!

Баби ч. Что все село смущает. Позор всей общине.

Николай. Вот как, да ведь за это тяжелое наказание!

Баби ч. А ты думал, как? Его сейчас же отсюда переведут. А ты уж потом как-нибудь сладишься с женой. Только бы его отсюда чорт забрал.

Николай. Ох, с ней-то мы, наверно, поладим. Ведь вы знаете, соседушки, какая она была хорошая, покорная и верная, пока злая судьба не привела его в мой дом! (Плачет.)

Настя. Ты, кум, его в дом не пускай, вот что! Двери перед его носом запри. Цепом по голове опрей! Вот бы я как на твоём месте сделала!

Николай. Да, да, да! Цепом по голове! Мундир в ключья! Пушай на меня жалуется! Я уж буду знать, как обороняться!

Баби ч. Нас, кум, в свидетели зови. Мы покажем, как они с тобой обходились!

Крестьяне. Да, да! Все подтвердим! Его прогонят со службы, а тебе ничего не будет.

Н и к о л а й (*вскакивает*). Хорошо! Все сделаю, наберусь смелости. Что ж, разве я не муж, не хозяин? А ну, выпьем, соседи! Бог вас наградит за совет. Увидим, кто здесь будет старше. (*Пьет и угощает всех по очереди.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е. Входят жандарм и Анна.

Ж а н д а р м (*немного подвыпивши*). Го, го, го! А тут что? Праздник какой, пирушка или поминки?

Н и к о л а й. Да, поминки, поминки справляю.

Ж а н д а р м. По ком?

Н и к о л а й. По самому себе. По своей чести, по своему покою, по своей жизни.

Жандарм идет к столу, люди расступаются перед ним, садится. Анна тоже садится на лежанку.

Ж а н д а р м. Ага, ты, вижу, уже малость того... Языком путаешь!

Н и к о л а й. Как это путаю? Я не путаю, я правду говорю! Это ты, Михайло, мою жизнь запутал так, что и конца не найду.

Ж а н д а р м. Ты, Николай, не болтай глупостей, да еще при чужих людях, а лучше угощай гостя!

Н и к о л а й. Ох, и угостил же ты меня! И не такого угощенья ты стоишь!

Ж а н д а р м *(вскакивает и подходит к нему)*. Ты что говоришь, что? Какого угощенья?

Н и к о л а й *(плюет ему в лицо)*. Вот какого, коли хочешь знать.

Ж а н д а р м *(бьет его кулаком по голове)*. Вот тебе за это!

Николай падает на землю. Гости бросаются к Николаю, Анна к Михаилу.

А н н а. Михайло, успокойся, что ты делаешь?

Ж а н д а р м. Я спокоен и ничего не делаю, но плевать на себя не позволю! Не бойся, это ему не повредит. Малость искры из глаз посыпались, но это пустяки. Скорей протрезвится. А я хотел с ним по-серьезному поговорить.

Николай с трудом встает, его сажают на скамью.

Н и к о л а й. Так вот как ты мне платишь за мою доброту?

Ж а н д а р м. Не за доброту, Николай! За доброту пускай бог заплатит. Я за дурость твою, за то, что ты плюешь на царский мундир.

Н и к о л а й. Я не на царский мундир плюю,

а на подлеца, который позорит образ человеческого. Ты его знаешь? Михайло Гурман!

Крестьяне. Так, так!

Жандарм (*подавляя злобу*). Знаете что, господа свидетели, я хочу здесь с Николаем по важному делу поговорить. Вы здесь не нужны. Может, вы пошли бы к чорту отсюда?

Николай. Нет, соседи! Оставайтесь, не уходите! Я вас прошу! Я вас позвал сюда, и он не имеет права вас выгонять.

Жандарм (*вскакивает и хватает карабин*). А я вам говорю, пьяницы поганые, вон отсюда! Кто сейчас же не уйдет, тот получит прикладом. Марш!

Крестьяне и крестьянки поспешно уходят, некоторые крестятся и плюют.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Николай, жандарм и Анна.

Николай (*подскочил к нему*). Какое ты имеешь право выгонять моих гостей из моего дома, а? К тебе пришли? Твою водку пили?

Жандарм (*отталкивает его*). Молчи, дурак! Слушай, что я тебе скажу. Садись вот тут.

Николай нехотя садится.

Слушай, Николай, о чем ты думаешь?

Н и к о л а й. Как это — о чем?

Ж а н д а р м. Что ты сам себя разоряешь? Работу бросил, о хозяйстве не заботишься, лошадей продал, и все только с пьяницами водишься да свое добро мотаешь? Хорошо ли это, а?

Н и к о л а й. Лучше, чем чужую жену в грех вводить.

Ж а н д а р м. Николай, Николай, не должен бы ты и вспоминать об этом.

Н и к о л а й. Вот как! Не должен и вспоминать о том, отчего сердце разрывается и голова трещит? Спасибо за милость. А скажи мне, Михайло, о чем же я могу вспомнить? О ком заботиться? На кого работать?

Ж а н д а р м. Хотя бы на самого себя.

Н и к о л а й. Не беспокойся, о себе я забочусь. Продаю, раздаю, разбрасываю, пропиваю то, что мне не нужно. А нужно мне теперь только одно — вот что! (*Трясет бутылку.*)

Ж а н д а р м. Нехорошо, Николай, стыдись!

Н и к о л а й. Я должен стыдиться! Ха-ха-ха! А ты стыдишься? А эта негодница стыдится, когда по всему селу с тобой таскается? У вас есть стыд?

Ж а н д а р м. Запрещаю тебе говорить о нас!

Н и к о л а й (вскакивает). Кому запрещаешь? Мне? А ты кто здесь? Какое ты имеешь право мне запрещать?

Ж а н д а р м (наильно усаживает его на скамью). Ну, ну, не ерепенься! Я скажу тебе, какое я имею право. Слушай, Николай! Ты знаешь, кем я был когда-то, еще там, в нашем селе?

Н и к о л а й. Кем? Буяном, забиякой.

Ж а н д а р м. Врешь, мой дружок! Я был честный парень, может, малость горячий, вспыльчивый, несправедливости я не любил, обиды не мог снести, и это стало моим несчастьем.

Н и к о л а й. Было кое-что и побольше.

Ж а н д а р м. Правду говоришь. И я тебе сейчас скажу, что случилось до моего несчастья. Я полюбил эту сироту горемычную Анну, обиженную и забитую ее братьями-извергами. Эта любовь была моим единственным, самым дорогим сокровищем, она могла бы сделать из меня хорошего, порядочного человека. А ты, Николай, сообща с этими извергами, похитил у меня мое единственное счастье.

Н и к о л а й (вскакивает). Я? Похитил у тебя?.. (Хватается за голову.) Господи, что это со мной? Не весь ли свет перевернулся вверх

ногами? Я, втоптаный в грязь, лишенный чести, покоя, уважения, разоренный, без ножа зарезанный, я, по-твоему, выходит, еще и вор?

Жандарм. Не хватайся за голову, Николай! Ведь твоя совесть говорит тебе, что я прав.

Николай. Нет, врешь! Я ее не принуждал! Она еще была благодарна мне...

Жандарм. Вот видишь ее благодарность.

Николай. Это ты, враг, обольстил ее, обманул и приколдовал!

Жандарм. У тебя было три года времени приколдовать ее к себе. Почему ж ты этого не сделал?

Николай. Я не колдун — вот почему!

Жандарм. Ты тряпка, а не муж — вот почему.

Николай. Я тряпка? Я тряпка?

Жандарм. Разумеется, не я.

Николай. Вот я тебе сейчас покажу, что я не тряпка. Вон из моей хаты! (Хватает его за плечи.)

Жандарм (отталкивает его). Иди спать, Николай! Ты просто пьян!

Николай. Пьян или не пьян — не твое дело. А ты убирайся вон из моей хаты!

Жандарм. О, я не уступлю. Коли захочу, здесь и заночую.

Николай (тихо). Уступи, Михайло! Не доводи меня до ярости.

Жандарм (тихо). А ты не доходи до ярости, несчастный, это вредно. Я действительно у тебя заночую. А завтра вместе поедем в город.

Николай. Вместе? Зачем?

Жандарм (вынимает бумагу и показывает). Погляди-ка, знаешь ли, что это за бумага?

Николай. Чорт. ее знает, а не я!

Жандарм. Это плохо, Николай! Не мешало бы тебе знать. Тут и про тебя кое-что написано.

Николай. А что там про меня написано?

Жандарм. Приказ из суда, чтоб доставить тебя. Я еще сегодня должен вручить ее старосте. Там на тебя опять что-то в суде наговорили.

Николай. Вот что, Иуда! Ты опять там под меня подкапываешься? Совсем меня доконай хочешь? (Вырывает из рук его бумагу и рвет в клочки.) На, вот тебе, вот, вот!

Жандарм. Дурак! Что ты сделал! Знаешь ли ты, что тебе за это будет?

Николай. Не мне, а тебе.

Жандарм. Нет, тебе! На, получай. (Бьет его по лицу.) Это задаток! А вот еще раз! (Замахнулся.)

Николай (хватает карабин). Ну и ты получи! (Кидается на Михайла.)

Анна (бросается между ними). Никола, опомнись!

Николай (отталкивает ее). Уйди в сторону!

Жандарм. Пусти его, Анна! Я его и так не боюсь. (Хватается за карабин, хочет вырвать у Николая.) Пусти, дурак! С этим не шутят!

Николай. Вот тебе моя шутка! (Отпустив карабин, схватил топор и всадил его в грудь жандарма. Тот падает.)

Анна. Господи! Что с тобой, Михайла? (Бросается к нему.)

Жандарм (хватается рукой за грудь, из которой бьет кровь). Это так! Ничего. Ничего мне не надо.

Анна. Кровь! Кровь! Ты ранен, Михайло, убит! Голубчик! Где рана?

Жандарм. Ничего, Анна, ничего! Это только шутка. Немножко поболит и перестанет. Будет, Николай! Чего ты стоишь и дрожишь? Дай руку!

Николай (бросает топор). Да... да... неужто оно ничего...

Жандарм (ослабевая). Дай руку! (Протягивает ему окровавленную руку.)

Николай дает свою.

Спасибо тебе за услугу, я не сержусь на тебя! Я и сам хотел так с собой сделать, да как-то рука не поднималась.

Анна. Михайло, милый мой, скажи, что с тобой? Где у тебя рана?

Жандарм. Говорю тебе, что мне совсем хорошо. Даже и лекарства не надо! А вот и свидетели! Ну, слава богу! слава богу!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, староста, Бабиц, Настя, крестьяне.

Староста. Эй! Что случилось? Кто тут кричит?

Настя. Ой, горюшко! Жандарм убит.

Староста. Неужто мертвый? Никола, Анна! Что это такое? Говорите, чего стоите, словно остолбенели?

Жандарм (слабо). Господин староста! Оставьте их! Они не виновны... я... я сам...

Староста. А что с тобой случилось, зачем на себя руки наложил?

Жандарм. Так надо было. Это мое дело... Анна! Николай... прощайте... и простите. (Умирает.)

Анна (бросается к труп). Михайло, Михайлушка! На кого ты меня покидаешь? Как я без тебя на свете жить буду?

Николай. Анна, успокойся, разве тебе не для кого жить?

ЗАНАВЕС ПАДАЕТ

ШЕВЧЕНКІВСЬКИЙ РВНО
м. ЛЬВОВА
ШКІЛЬНА БІБЛІОТЕКА
НСШ № 33.

Інвент. № _____

м. Львів, вул. Алембеків 11 а.]

Редактор Б. Бегак
Техн. редактор Э. Чернова

Сдано в набор 17/IV 1940 г.
Подписано к печати 30/VII 1940 г.
Тираж 2000 экз. Формат бума-
ги 60 x 92¹/₃₂ д. л. Колич. печ.
л. 3¹/₂. Уч.-изд. л. 3,528. Кол.
печ. знаков в 1 печ. л. 40320.
Инд. № 502. „Искусство“ № 2292.
Уполн. Главлита А-30126
Заказ № 736.

Цена 2 р. 25 к.

Тип. Гос. изд-ва „Искусство“
„Красный печатник“. Москва,
ул. 25 Октября, 5.

2 р. 25 к.

31.888

Ф $\frac{IV}{y-450}$ 1940

88735

500

